БС
1147
И23

Пров 38

ПРОВ.

Общинное землевладѣніе.

Настоящая статья составляетъ главу изъ приготовляемаго мною къ печати трактата по политической экономіи. Прочитавъ все имѣющееся въ русской и иностранной литературѣ по общинному землевладѣнію въ Россіи, я пришелъ къ выводу, что лучшая формулировка современнаго экономическаго и соціальнаго значенія господствующей нынѣ въ нашемъ отечествѣ формы общиннаго землевладѣнія находится въ трудахъ К. Д. Кавелина и что глава объ общинномъ землевладѣніи можетъ быть написана лучше и всесторонніе г. Кавелинымъ, нежели мною. Въ виду этого я обратился къ К. Д. съ просьбой написать главу объ общинномъ землевладѣніи для приготовляемаго мною къ печати сочиненія. Вплотную наполненное занятіями время не позволило К. Д. принять моего предложенія. Но онъ оказалъ большую помощь моему труду, предоставивъ мнѣ право пользоваться не только мыслью, но и текстомъ всѣхъ его трудовъ, и я обильно воспользовался этимъ правомъ.

Окончивъ статью объ общинномъ землевладѣніи, я передалъ ее К. Д. Кавелину съ просьбой, чтобы онъ высказалъ свое мнѣніе о моей работѣ. К. Д. далъ отзывъ, что по существу дѣла раздѣляетъ взгляды, изложенные въ моей статьѣ. Съ величайшимъ удовольствіемъ и признательностью пользуюсь предоставленнымъ мнѣ К. Д. правомъ напечатать его мнѣніе. Авторитетный отзывъ К. Д. Кавелина представляетъ уже самъ по себѣ большой умственный интересъ и, сверхъ того, не можетъ не оказать вліянія на распространеніе воззрѣній по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ русской жизни, высказанныхъ въ моей работѣ по общинному землевладѣнію.

Вотъ отзывъ К. Д. Кавелина:

«Съ чувствомъ искреннѣйшаго удовольствія и глубокаго удовлетворенія прочиталъ я доставленную мнѣ вами въ рукописи статью вашу объ общинномъ землевладѣніи. Ваши мысли о его значеніи въ настоящемъ и вѣроятномъ развитіи въ будущемъ вполнѣ совпадаютъ съ моими давнишн-

ними, задушевными убѣжденіями. Съ 1859 года я стою на томъ, что общинное землевладѣніе есть одна изъ древнѣйшихъ, первобытныхъ формъ отношенія къ землѣ, сохранившаяся у насъ до послѣдняго времени, благодаря крѣпостному праву и финансовому управленію; что въ теперешнемъ своемъ видѣ оно также мало отвѣчаетъ идиллическимъ воззрѣніямъ на русскаго крестьянина, какъ и мечтаніямъ крайнихъ представителей современнаго соціальнаго движенія; но, въ то же время, я твердо, непоколебимо увѣренъ въ томъ, что этотъ обломокъ старины, обвѣтшавшій въ своихъ формахъ, можетъ, если за него умѣло взяться, сослужить великую службу и стать могучимъ, благодатнымъ, ничѣмъ не замѣнимымъ средствомъ для правильнаго устройства и обезпеченія быта сельскаго населенія. Общинное землевладѣніе, въ рукахъ государей и русскихъ государственныхъ людей, можетъ обратиться въ талисманъ, который избавитъ насъ въ будущемъ и отъ тяжкихъ испытаній, пережитыхъ остальной Европой, и отъ соціальныхъ фантазій, представляющихъ въ наше время серьезную опасность для европейской цивилизаціи и культуры. Вашъ трудъ, въ связи съ нѣкоторыми другими данными, есть отрадный признакъ, что вопросъ объ общинномъ землевладѣніи перестаетъ уже быть предметомъ нескончаемыхъ недоразумѣній—пугаломъ для однихъ, поводомъ для соціальныхъ, философскихъ и патріотическихъ грезъ для другихъ—и дѣлается темою серьезныхъ научныхъ изслѣдованій, которыя только и въ состояніи раскрыть его настоящее значеніе и роль въ будущемъ.

«Вы требуете отъ меня вполнѣ откровеннаго отзыва о вашемъ трудѣ. Охотно пользуюсь вашимъ любезнымъ вызовомъ и спѣшу сообщить вамъ нѣкоторыя мысли, вызванныя чтеніемъ вашей рукописи. Онѣ касаются только частностей, а не существа дѣла, ибо по существу я вполнѣ и всецѣло раздѣляю ваши взгляды.

«Если я хорошо васъ понялъ, вы приписываете происхожденіе личной поземельной собственности однимъ условіямъ производства и промысловъ. Мнѣ кажется, что вы въ этомъ случаѣ преувеличиваете роль экономическихъ факторовъ. Личная поземельная собственность имѣетъ, какъ я думаю, источникомъ болѣе общій законъ, съ неизбѣжною правильностью выражающійся во всѣхъ явленіяхъ организованной жизни,—именно законъ дифференціаціи. Его можно одинаково прослѣдить въ развитіи и былинки, и человѣка, и человѣческаго общества. Все живое, организованное, стремится скрытые въ немъ въ слитномъ, безразличномъ видѣ возможности и зачатки развить и раскрыть во всей ихъ полнотѣ и въ возможной обособленности. Вначалѣ, пока они существуютъ въ скрытомъ видѣ, они какъ бы поглощаются единствомъ организма, въ которомъ заключены, какъ его составныя части; но впослѣдствіи, развившись и обособившись, они выступаютъ на первый планъ до того, что заслоняютъ самый организмъ, придающій имъ единство и связующій ихъ въ одно цѣлое. Сравните бытъ древнѣйшихъ семей и современной семьи, европейской или сѣверо-амери-

канской, и васъ поразитъ, прежде всего: въ первыхъ—безличность членовъ передъ главою семейства, во второй — личная и имущественная самостоятельность каждаго изъ членовъ. Приписать такое всеобщее явленіе, какъ дифференціація, однимъ экономическимъ условіямъ значитъ, мнѣ кажется, умалить и съузить его значеніе. Появленіе личной собственности было результатомъ не одной экономической жизни, но и развитія индивидуализма, которое отразилось и въ правѣ, и въ экономическихъ отношеніяхъ.

«Я остановился на этомъ собственно потому, что въ наше время замѣчается вообще наклонность преувеличивать значеніе экономическихъ факторовъ. Увлеченіе такого рода очень понятно, если припомнить, какъ, сравнительно еще недавно, на экономическую сторону общественныхъ явленій не обращалось никакого вниманія. Но все же едва ли правильно, указывая на одну сторону, преувеличивать ея значеніе и упускать изъ вида другія, а этимъ мы грѣшимъ не рѣдко. Такъ, въ замѣчательныхъ и крайне интересныхъ изслѣдованіяхъ г-жи Ефименко, на которыя вы ссылаетесь, раскрыта и освѣщена важная роль труда, работы, въ правилахъ о семейныхъ раздѣлахъ и наслѣдованіи по обычному праву крестьянъ. Но трудъ не служитъ въ такихъ случаяхъ единственнымъ основаніемъ при опредѣленіи правъ и долей; крестьянами принимаются въ соображеніе и другія условія, на которыя необходимо указать, чтобы правильно понять крестьянскіе обычаи. Я, напримѣръ, изъ личныхъ наблюдей въ Самарскомъ Заволжьи знаю, что крестьяне при семейныхъ раздѣлахъ берутъ въ разсчетъ налоги, лежащіе на крестьянствѣ, и требуютъ, чтобы отецъ, отпуская отъ себя сына, надѣлилъ его всѣмъ, что необходимо для исправнаго отбыванія податей и повинностей. Чтобы вполнѣ понять и оцѣнить такое сложное явленіе, какъ общинное владѣніе, связанное безчисленными и тончайшими нитями со всѣми сторонами народной жизни, необходимо взвѣсить всѣ его составные элементы и всѣ условія, которыя его создали и поддерживаютъ. Экономическія условія, безспорно, играютъ при этомъ большую роль, но не они одни исключительно; есть и другія, между прочимъ, юридическія. Вы, какъ политико-экономъ, естественно обратили вниманіе на хозяйственную сторону вопроса; для меня, какъ юриста, на первый планъ выдвигается юридическая сторона общиннаго землевладѣнія. Въ книгѣ, посвященной изслѣдованію экономическихъ условій общественнаго быта, главная задача, конечно, правильно освѣтить эту сторону вопроса, что вы и сдѣлали. Но общинное землевладѣніе до сихъ поръ занимаетъ исключительное положеніе. Оно принадлежитъ къ числу предметовъ, далеко еще не выясненныхъ. Шаблонная наука смотритъ на него съ крайнимъ недовѣріемъ; сельскіе хозяева относятся къ нему прямо враждебно, по причинамъ вполнѣ уважительнымъ. Очень немногіе понимаютъ, что то, что разумѣется теперь подъ общиннымъ владѣніемъ, есть лишь обветшалая его форма, которая должна замѣниться другой, отвѣчающей нарождающемуся индивидуализму и потребностямъ болѣе высокой культуры, въ

сторону которой и мы понемногу движемся. Прибавьте къ этому туманъ, напущенный на общинное землевладѣніе предразсудками національными, политическими, крайними экономическими теоріями и разными другими фантазіями. Все это вмѣстѣ дѣлаетъ изъ общиннаго владѣнія какое то безобразное чудище, отвратительное, страшное и нелѣпое. Пройдетъ еще не мало времени, пока, наконецъ, удастся водворить въ умахъ и сознаніи правильную точку зрѣнія на этотъ предметъ, съ которымъ, однако, неразрывно связаны величайшіе государственные интересы и, можно сказать безъ преувеличенія, вся наша будущность и наша роль во всемірной исторіи. Вотъ потому-то я и думаю, что едва ли наступило уже время спеціализировать изученіе той или другой стороны общиннаго землевладѣнія, оставляя въ сторонѣ и въ тѣни другія. Необходимо, какъ мнѣ кажется, сосредоточить всѣ силы науки и знанія на выясненіи тѣхъ преобразованій, какимъ должно подвергнуться общинное землевладѣніе, чтобы изъ обломка старины стать живительнымъ и благодатнымъ условіемъ дальнѣйшаго нашего развитія, а такое преобразованіе можетъ совершиться только законодательнымъ путемъ, именно устраненіемъ нѣкоторыхъ ошибочныхъ предпосылокъ, положенныхъ въ основаніе крестьянской реформы въ шестидесятыхъ годахъ, и правильной юридической постановкой общиннаго землевладѣнія. Слѣдуетъ этимъ спѣшить. Съ окончаніемъ выкупной операціи зло, растущее теперь не по днямъ, а по часамъ, будетъ уже непоправимо. На ошибки такого же рода, допущенныя въ Германіи, горько жаловался въ свое время знаменитый Нибуръ, но напрасно, и теперь Германія ими казнится. Авось либо мы, русскіе, будемъ счастливѣе, и нашъ голосъ будетъ услышанъ.

«Вотъ мысли, вызванныя во мнѣ вашимъ почтеннымъ трудомъ, которому, повторяю, я глубоко сочувствую и желаю отъ всего сердца возможно широкаго распространенія и успѣха, особливо въ средѣ вліятельныхъ читателей. Мои мимоходныя замѣчанія вызваны лишь извинительнымъ нетерпѣніемъ скорѣе увидать разъясненіе предмета, за который давно ломаю копье, какъ за священное знамя и палладіумъ Россіи въ настоящемъ и будущемъ.

«Примите и пр.

«К. Кавелинъ».

Въ примитивныхъ обществахъ не встрѣчается индивидуальной собственности не только на недвижимыя, но и на движимыя имущества. Всѣ вещи принадлежатъ сообща всѣмъ членамъ общины. Въ такихъ имущественныхъ отношеніяхъ живутъ въ настоящее время общества Южной Африки, туземцы Америки и острововъ Южнаго океана. Причина вещнаго коммунизма въ примитивныхъ обществахъ заключается въ общности занятій членовъ общества. Если община живетъ на берегу моря, то каждый изъ ея членовъ, въ одно и то же время, есть лодкостроитель, морякъ и

рыболовъ; если она обитаетъ внутри страны, то каждый строитъ жилища, преслѣдуетъ животныхъ, воздѣлываетъ землю, готовитъ орудія. Форма производства, предоставляющая общность занятій, то-есть простую кооперацію труда въ ловлѣ рыбы, охотѣ, нападеніи и защитѣ, уходѣ за скотомъ, очисткѣ лѣсныхъ участковъ подъ обработку, орошеніи, воздѣлываніи земли, построеніи жилищъ и орудій труда, какъ сѣти, лодки и т. п., обусловливаетъ собою общность потребленія всего произведеннаго, общность имуществъ. Индивидуальная собственность возникаетъ и расширяется какъ по объему содержащихся въ ней правъ, такъ и по роду подлежащихъ ей объектовъ лишь по мѣрѣ развитія раздѣленія труда и вытекающаго отсюда образованія профессій.

Съ процессомъ обособленія труда отдѣльнаго лица или группы лицъ, поставленныхъ въ изолированныя отъ другихъ членовъ общины условія производства, начинаетъ постепенно возникать индивидуальная собственность, сначала на движимыя, а потомъ и на недвижимыя имущества. Обособляющійся трудъ является единственною первоначальною причиною возникновенія частной собственности. Слѣды происхожденія индивидуальной собственности изъ трудоваго начала сказываются до сихъ поръ въ народныхъ воззрѣніяхъ. Трудъ народъ считаетъ вообще единственнымъ, вполнѣ справедливымъ способомъ для пріобрѣтенія права собственности. Что трудовое начало играло самую ничтожную роль въ римскомъ правѣ, то это потому, что основаніемъ собственности въ римскомъ рабскомъ государствѣ служило завоеваніе, а промышленный трудъ, выполняемый, главнымъ образомъ, рабами, не имѣлъ правоспособности. И если трудовое начало продолжаетъ играть ту же ничтожную роль въ современныхъ кодексахъ Европы, несмотря на освобожденіе труда и сохраненіе въ народныхъ юридическихъ воззрѣніяхъ и обычаяхъ трудоваго начала, то это объясняется тѣмъ, что кодексы писались культурными классами, обоснованіе имущественныхъ отношеній которыхъ гораздо ближе къ римскому праву, нежели къ трудовому началу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, новѣйшее развитіе экономическаго строя Западной Европы, оторвавшее крестьянъ отъ земли, работника отъ продукта его труда, значительно уменьшило сферу проявленія трудоваго начала и въ юридическихъ отношеніяхъ народа. Широкая дѣятельность трудоваго начала удержалась въ Россіи, Сербіи и Болгаріи; здѣсь бо́льшую часть населенія составляютъ крестьяне, сидящіе на своей землѣ, благодаря чему непосредственная связь между трудящимся и продуктомъ его труда порвана въ этихъ странахъ гораздо менѣе, нежели въ Западной Европѣ.

Мы считаемъ умѣстнымъ воспользоваться здѣсь весьма поучительной книгой г-жи А. Ефименко: *Изслѣдованія народной жизни* (1884 г.) для иллюстраціи проявленій трудоваго начала въ жизни русскаго народа въ отношеніи: 1) земли и 2) наслѣдованія.

«Взглядъ крестьянина на землю,—говоритъ авторъ названной книги,—вытекаетъ изъ его взгляда на трудъ, какъ на единственный, всегда при-

знаваемый и справедливый источникъ собственности. Земля—не продуктъ труда человѣка; слѣдовательно, на нее и не можетъ быть того безусловнаго и естественнаго права собственности, какое имѣетъ трудящійся на продуктъ своего труда. Вотъ то коренное понятіе, къ которому могутъ быть сведены воззрѣнія народа на земельную собственность.

«Изъ этого понятія вытекаютъ многія особенности, какія народъ вкладываетъ въ свои представленія о собственности и съ которыми намъ приходится считаться. Эти особенности не маловажны, и вотъ къ одной изъ нихъ мы сейчасъ и вернемся.

«Вѣроятно, каждый слышалъ о такъ называемомъ «черномъ передѣлѣ», этомъ идеалѣ крестьянства, какъ называетъ его г. Якушкинъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ по обычному праву. Какъ бы мы ни относились къ факту существованія въ народѣ подобныхъ воззрѣній, мы, прежде всего, не имѣемъ права ихъ игнорировать, должны съ ними ознакомиться поближе въ интересахъ науки и жизни. «Черный передѣлъ» или «слушной часъ»—существуютъ разныя его названія въ различныхъ мѣстностяхъ — не есть миѳъ или выдумка, какими его считаютъ нѣкоторые, а вполнѣ реальное явленіе, заслуживающее самаго внимательнаго отношенія къ себѣ. Убѣжденіе въ необходимости или, точнѣе сказать, въ неизбѣжности всеобщаго дѣлежа земель господствуетъ повсемѣстно, одинаково въ общинной Великороссіи, какъ и въ участковой Малороссіи. Оно коренится въ той особенности крестьянскихъ воззрѣній на собственность, по которому земля есть мірская да Божья; поэтому не можетъ быть права частной собственности на землю, а можетъ быть лишь право пользованія землей, которая дается трудомъ, въ нее вкладываемымъ. Община ли является въ данную минуту владѣльцемъ земли, или отдѣльное лицо—все равно: право на землю безусловно связано съ трудомъ, который вкладывается въ землю, и разъ эта связь порвана—порвано и право. По своему глубокому чувству легальности, крестьяне спокойно смотрятъ на настоящій порядокъ вещей, противорѣчащій ихъ основнымъ воззрѣніямъ, тѣмъ болѣе спокойно, что они вполнѣ убѣждены, что ихъ summum jus на землю находится въ надежныхъ рукахъ верховной власти, которая ждетъ лишь удобнаго момента для осуществленія этого ихъ права. Нельзя приписывать общинному владѣнію того, что оно имѣетъ свойство развивать въ народѣ такія надежды и ожиданія. Достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ несостоятельности подобнаго мнѣнія служитъ Малороссія. Малорусскій народъ, какъ извѣстно, не имѣетъ склонности къ общинѣ, — мало того, онъ высказываетъ часто прямое отвращеніе къ этой формѣ земельнаго пользованія, да и вообще во всѣхъ своихъ общественныхъ отношеніяхъ проявляетъ, въ противуположность великорусскому народу, сильную наклонность къ индивидуализму: «гуртове — чортове», энергически выражаетъ онъ это своей пословицей. А, между тѣмъ, вся крестьянская Малороссія ждетъ «слушнаго часу», когда земля будетъ подѣлена между мужиками.

«И такъ, по общераспространенному крестьянскому воззрѣнію, землею долженъ пользоваться лишь тотъ, кто вкладываетъ въ нее свой трудъ. Это справедливо какъ относительно той части крестьянства, которая пользуется своей землей на правахъ общиннаго владѣнія, такъ и той, которая пользуется ею на правахъ частной собственности.

«Свой коренной взглядъ на трудъ, какъ на основу собственности, крестьянство вполнѣ послѣдовательно проводитъ и на продуктъ земли. Одно отношеніе къ тѣмъ продуктамъ, которые производятся трудомъ человѣка, другое къ тѣмъ, которые даетъ земля безъ посредства человѣческаго труда.

«Къ праву собственности на тѣ земельные продукты, которые произведены трудомъ человѣка, крестьяне относятся съ уваженіемъ почти религіознымъ. Кража скошеннаго сѣна на лугу, хлѣба на полѣ, хотя никто ихъ не сторожитъ,—вещь совсѣмъ исключительная, покрывающая виновника вѣчнымъ позоромъ. Даже крайняя необходимость не можетъ заставить крестьянина нарушить святое для него, въ данномъ случаѣ, право собственности. Существуютъ оригинальные обычаи, имѣющіе цѣлью примирить фактъ настоятельной необходимости нарушить право собственности съ крайнимъ уваженіемъ, которое обнаруживаетъ крестьянство по отношенію къ этому праву. Вотъ нѣкоторые примѣры. Въ Архангельской губерніи существуетъ такой обычай: если путнику понадобится въ дорогѣ кормъ для лошади, онъ беретъ сѣно изъ перваго попавшагося зорода, но непремѣнно кладетъ въ зородъ деньги, соотвѣтственно стоимости сѣна. Близкій къ этому обычай встрѣчается въ Землѣ Войска Донскаго. Въ неурожайные годы, когда бѣдняки находятся совсѣмъ въ безвыходномъ положеніи, — купить хлѣба не на что, занять не у кого, — они прибѣгаютъ къ самовольному, такъ сказать, займу у богатыхъ. Изъ хлѣба, который зажиточные держатъ необмолоченнымъ въ степи на току, вдругъ исчезаетъ нѣсколько копенъ, взятыхъ неизвѣстно кѣмъ, а на другой или даже на третій годъ, при урожаѣ, хлѣбъ привозится опять, всегда двумя, тремя копнами больше, чѣмъ было взято, и складывается на томъ же самомъ мѣстѣ. Когда берутъ хлѣбъ, иногда оставляютъ на мѣстѣ записку, въ которой говорится, что заставила взять хлѣбъ крайняя нужда и что онъ будетъ непремѣнно возвращенъ (*Труды областнаго Войска Донскаго статистическаго комитета*, вып. 2-й, 1874 г.). На нашемъ сѣверѣ, гдѣ земледѣльческій трудъ замѣняется промысловымъ,— по выраженію архангельскихъ поморовъ: «море—наше поле»,—то же самое религіозное уваженіе переносится на продукты труда промысловаго. Часто богатая добыча оставляется гдѣ-нибудь въ лѣсу, въ промысловой избушкѣ, и если только она носитъ на себѣ знакъ собственности, т.-е. мѣтку, по которой видно, что она не валяется случайно, а положена промышленникомъ, то она въ этихъ пустыняхъ, на сотни верстъ отъ жилья человѣческаго, болѣе безопасна отъ вора, чѣмъ за десятью замками: пусть добыча сгніетъ, если промышленникъ почему-либо за ней не вернулся, все-таки, ее не тронутъ. Въ случаѣ крайней нужды, путникъ можетъ взять, напримѣръ,

пару рябчиковъ на варево изъ промысловой избушки, но непремѣнно кладетъ тутъ деньги за взятое. То же уваженіе переносится и на орудія труда: унесенная теченіемъ и перехваченная сѣть, оставленная лодка и т. п., все это также неприкосновенно, какъ и добыча. Вообще, мы нигдѣ не видали болѣе идеально-развитаго уваженія къ трудовой собственности, чѣмъ на нашемъ глухомъ сѣверѣ, гдѣ законы и власти, въ бо̀льшей части случаевъ, совсѣмъ не имѣютъ возможности преслѣдовать правонарушеніе.

«За то крайне слабо уваженіе къ праву собственности на естественныя произведенія почвы, въ производствѣ которыхъ не участвовалъ человѣческій трудъ, т.-е., собственно говоря, уваженія къ такому праву нѣтъ совсѣмъ, а есть лишь страхъ карающаго закона. Кто срубитъ бортяное дерево, тотъ воръ, — онъ укралъ человѣческій трудъ; кто рубитъ лѣсъ, никѣмъ не посѣянный, тотъ пользуется даромъ Божіимъ, такимъ же даромъ, какъ вода, воздухъ (*Основа* 1862 г., іюнь, стр. 68—9). Осенью и весною почти каждую ночь вы можете встрѣтить по дорогамъ, идущимъ въ лѣсъ, цѣлые обозы съ хворостомъ, кольями. Спросите, откуда везутъ, и вамъ скажутъ, улыбаясь: съ батьковщины. Подъ батьковщиной надо разумѣть казенные лѣса, пишетъ одинъ наблюдатель изъ Кіевской губ.» *).

Ограничиваясь приведенными иллюстраціями и отсылая заинтересовавшагося даннымъ вопросомъ читателя къ почтенному труду г-жи Ефименко, обратимся къ другой категоріи имущественныхъ отношеній въ народѣ, именно къ наслѣдованію, гдѣ трудовой принципъ выступаетъ также весьма отчетливо, хотя ему приходится бороться съ принципами совсѣмъ иного характера, заключлющимися въ *Сводѣ гражданскихъ законовъ*.

Бо̀льшая часть вещей, которыми пользуется крестьянинъ, не его личная собственность, а коллективная, семейная, между тѣмъ какъ въ культурныхъ слояхъ мы видимъ какъ разъ обратное. Отсюда и особенности въ характерѣ крестьянскаго наслѣдованія: оно чаще представляетъ раздѣлъ общей собственности, чѣмъ собственно наслѣдованіе въ современномъ юридическомъ смыслѣ этого слова. Соискатели крестьянскаго наслѣдства являются, прежде всего, членами одной трудовой ассоціаціи семьи. Участіе въ общей собственности, по мѣрѣ труда, вложеннаго на пріобрѣтеніе этой собственности, — вотъ основной принципъ крестьянскаго наслѣдственнаго права. Все остальное, на чемъ держится наслѣдованіе высшихъ классовъ, т.-е. родство, личная воля въ видѣ завѣщанія,— все отступаетъ передъ этимъ главнымъ на задній планъ, хотя нельзя сказать, чтобы вовсе не играло никакой роли. Напримѣръ, понятіе о родствѣ и его связывающемъ значеніи имѣетъ въ народѣ очень много жизненности, но, все-таки, въ наслѣдованіи *кровное начало уступаетъ первенствующее мѣсто трудовому*.

«При раздѣлѣ наслѣдства,—пишетъ г-жа Ефименко,— прежде всего, уясняется основной вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ все дальнѣйшее,—

*) *А. Ефименко*: «Изслѣд. народн. жизни». 1884 г., стр. 139—145.

вопросъ о томъ, кто участвовалъ въ наживѣ имущества, и только за этимъ уже слѣдуютъ вопросы о кровной связи, личной волѣ старшаго въ родѣ и т. п. Положимъ, отецъ хочетъ дѣлиться съ сыновьями. Міру извѣстно, что имущество нажито отцомъ; отецъ въ полномъ правѣ распорядиться своимъ трудовымъ добромъ, какъ хочетъ: дать ли что сыновьямъ и что именно дать — его полная воля. Но такіе случаи, когда имущество нажито однимъ отцомъ, по условіямъ крестьянскаго быта, могутъ встрѣчаться лишь какъ исключеніе. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ имущество является результатомъ совмѣстнаго труда всей семейной ассоціаціи, въ которой очень рано дѣти начинаютъ трудиться рядомъ съ родителями, и тутъ уже вопросъ ставится совсѣмъ иначе. Правда, отцу принадлежитъ право на всякое уваженіе и покорность со стороны дѣтей, но и дѣти-работники имѣютъ такія же реальныя права на долю изъ нажитаго семьей имущества, и попрать эти права настолько же противно справедливости, какъ и попрать патріархальное право отца на почтеніе со стороны дѣтей. Народная правда допуститъ наказать сына за непочтеніе къ родителямъ; однако, въ то же время, если міръ видитъ, что сынъ не былъ дармоѣдомъ въ отцовской семьѣ, то онъ можетъ заставить отца не только отдѣлить сына, если тому почему-либо плохо въ семьѣ, но и дать ему долю имущества, приблизительно пропорціональную его трудамъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія этого имущества. Даже завѣщаніе умирающаго, — а извѣстно, какимъ религіознымъ почтеніемъ пользуется въ народѣ завѣтъ умирающаго, — не можетъ понудить крестьянскую совѣсть пренебречь тѣмъ, что для нея неприкосновеннѣе всего, — правомъ трудившагося на участіе въ результатахъ своего труда. Да и сами отцы далеко не проникнуты сознаніемъ абсолютности своихъ отцовскихъ правъ: если отецъ хочетъ обдѣлить сына наслѣдствомъ, онъ не сошлется на свою волю или даже на непочтеніе къ себѣ сына, а всегда на то, что сынъ былъ расточителенъ, нерадивъ, лѣнивъ и т. п., т.-е. не заработалъ себѣ права на свою долю, такъ что мірской совѣсти остается только разобрать, правда это или нѣтъ. Если отецъ наговорилъ на сына напраслину, судъ присуждаетъ сыну его долю; если же, дѣйствительно, сынъ не участвовалъ въ общемъ семейномъ трудѣ, потому ли что былъ лѣнивъ, или потому, что жилъ на сторонѣ, не помогая семьѣ, онъ лишается доли. Понятно, что завѣщаній въ нашемъ смыслѣ этого слова у крестьянъ почти не бываетъ, такъ какъ размѣръ доли каждаго наслѣдника не зависитъ отъ произвола отца: отецъ, если дѣлаетъ завѣщаніе, то лишь для того, чтобы распредѣлить самому эти доли, въ предупрежденіе могущихъ возникнуть при дѣлежѣ споровъ и неудовольствій.

«При раздѣлѣ наслѣдства между братьями замѣчается нѣкоторая разница въ обычаяхъ земледѣльческаго и промысловаго крестьянства: первое при дѣлежѣ болѣе тяготѣетъ къ равенству долей, чѣмъ второе. Эта разница цѣликомъ можетъ быть объяснена экономическими причинами. Въ про-

мысловыхъ губерніяхъ (мы подразумѣваемъ сѣверныя промысловыя, гдѣ преобладаютъ отхожіе промыслы) относительная величина заработковъ домашнихъ работниковъ и отходящихъ на сторону часто слишкомъ различна для того, чтобы это не имѣло вліянія на размѣры долей при дѣлежѣ. Затѣмъ въ промысловыхъ мѣстностяхъ допускаются обычаями различныя комбинаціи хозяйственныхъ отношеній между братьями, остающимися дома и отходящими на промыселъ, и всѣ эти комбинаціи отражаются, конечно, на дѣлежѣ наслѣдства; напр., ушедшій братъ можетъ не вносить всѣхъ своихъ заработковъ въ общій хозяйственный капиталъ, а лишь ту или другую часть ихъ, или даже не вносить ничего, и, сообразно величинѣ своихъ взносовъ, онъ или получаетъ равную долю съ домашними братьями, или меньшую, или же не получаетъ ничего. Но и въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, гдѣ больше тяготѣнія къ равенству, полное равенство не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ всегда принимаются во вниманіе всѣ обстоятельства каждаго случая, всѣ отношенія дѣлящихся лицъ, всѣ ихъ особенныя права.

«По тому же экономическому или трудовому принципу производится и раздѣлъ дядей съ племянниками. Никакой опредѣленной, хотя бы только приблизительно, нормы для такого дѣлежа нѣтъ: или дяди и племянники получаютъ поровну, на правахъ равныхъ работниковъ, или дяди получаютъ больше, если дольше работали на пользу общаго имущества, или племянники получаютъ больше, если на ихъ сторонѣ перевѣсъ труда, что, конечно, случается рѣже, но, все-таки, случается. Однимъ словомъ, и тутъ устраняется родовое начало.

«Но всего отчетливѣе видно полное торжество въ крестьянскомъ наслѣдственномъ правѣ трудоваго начала надъ кровнымъ въ наслѣдованіи такихъ лицъ, которыя не имѣютъ съ семьей никакой родственной связи, напр., принятыхъ въ домъ зятьевъ, пасынковъ, пріемышей. Всѣ эти лица, если только они участвовали въ общемъ семейномъ трудѣ, имѣютъ такое же право на долю въ семейномъ имуществѣ, какъ сыновья, племянники или другіе кровные родственники: «единое одно получаютъ, потому такіе же работники были» (*Труды коммиссіи по изслѣд. положенія волостныхъ судовъ*, т. I, стр. 541 *).

Указавъ, далѣе, порядки наслѣдованія женщинъ въ народной средѣ, авторъ цитируемаго нами изслѣдованія имѣлъ полное право сдѣлать слѣдующій выводъ: «Однимъ словомъ, трудовой принципъ красной нитью проходитъ черезъ всѣ наслѣдственныя отношенія крестьянъ, по сколько они опредѣляются обычнымъ правомъ. Онъ иногда видоизмѣняется въ своихъ примѣненіяхъ сообразно особенностямъ условій, среди которыхъ дѣйствуетъ; иногда осложняется другими, чуждыми ему элементами, иногда затемняется внѣшнимъ вліяніемъ,—вліяніемъ законодательства, построен-

*) *А. Ефименко*: «Изслѣд. народн. жизни», стр. 153—157.

наго на иныхъ началахъ, и культурныхъ слоевъ, воспитанныхъ на иныхъ правовыхъ представленіяхъ, но, все-таки, даже поверхностный взглядъ не можетъ не признать его руководящаго значенія въ этой области обычнаго права» *).

Процессъ приватизированія общиннаго имущества совершается, какъ мы уже сказали, соотвѣтственно обособленію труда. Этотъ процессъ, начавшись съ предметовъ движимой собственности, постепенно и незамѣтно переходитъ на плоды жатвы и деревьевъ, на болѣе или менѣе постоянныя жилища, на деревья и, наконецъ, на почву подъ ними, по мѣрѣ постепеннаго выдѣленія изъ общины все болѣе и болѣе постояннаго индивидуальнаго труда. Дальнѣйшій ходъ того же движенія объясняетъ намъ также и то, почему поля становятся частною собственностью ранѣе, чѣмъ луга, луга ранѣе, чѣмъ лѣса, лѣса ранѣе, чѣмъ пустыри и неудобныя мѣста. Все дѣло состоитъ въ томъ, что на однихъ участкахъ земли скопляется съ теченіемъ времени болѣе индивидуальнаго труда, чѣмъ на другихъ, а потому возникаютъ существенныя экономическія различія между ними **).

Общинное землевладѣніе, вслѣдствіе процесса разложенія, то-есть постепеннаго приближенія къ индивидуальному землевладѣнію, принимало различныя формы, переходившія одна въ другую въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Земля принадлежитъ общинѣ и обрабатывается сообща всѣми членами общины. Здѣсь нѣтъ не только участковъ, принадлежащихъ въ индивидуальную собственность кому-нибудь изъ членовъ общины, но также и такихъ участковъ, которые отведены были бы членамъ общины въ временное индивидуальное пользованіе. Здѣсь общинное не только право владѣнія, но и право пользованія. Изъ культурныхъ государствъ такая община встрѣчается до сихъ поръ въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ Индіи и въ Пенджабѣ.

2) Земля принадлежитъ всей общинѣ, но каждый членъ общины (домохозяинъ) пользуется извѣстнымъ участкомъ, который онъ обрабатываетъ отдѣльно отъ остальныхъ членовъ общины. Здѣсь право владѣнія общинное, но пользованіе индивидуальное. Ради индивидуальнаго пользованія, каждому члену общины отводится временно извѣстный участокъ. Сроки передѣловъ весьма различны. Чѣмъ интензивнѣе сельское хозяйство, тѣмъ рѣже передѣлы. Основной смыслъ передѣловъ: уравненіе выгодъ отъ земли между членами общины. Такова господствующая форма общиннаго землевладѣнія въ Великороссіи.

3) Часть земли составляетъ индивидуальную собственность; въ распоряженіе и пользованіе ею община не вмѣшивается; другая часть земли

---

*) Тамъ же, стр. 161.

**) Объ исторіи развитія частной собственности см. сочиненіе Н. Зибера: «Очеркъ первобытной экономической культуры». 1883 г.

принадлежитъ всей общинѣ, составляетъ общинное владѣніе. Въ индивидуальную собственность, прежде всего, переходятъ усадьбы, потомъ пахотныя земли, позже всего лѣса, пустыри и неудобныя мѣста. Въ Швейцаріи до сихъ поръ удержалось общинное владѣніе на пастбища, пустыри и неудобныя земли.

Причины перехода общиннаго землевладѣнія въ частную собственность можно раздѣлить на *внутреннія*, лежащія въ средѣ самой общины,—такъ называемое «самопроизвольное» разложеніе общины, — и *внѣшнія*. Важнѣйшею внутреннею причиною является возрастаніе интензивности сельскаго хозяйства, то-есть возрастаніе количества труда и капитала, затрачиваемыхъ на воздѣлываніе земли. Важнѣйшая внѣшняя причина заключается въ вліяніи на общинное землевладѣніе законодательства. Разсмотримъ обѣ эти причины.

При хозяйствѣ экстензивномъ, подъ которымъ разумѣютъ незначительныя затраты капитала на воздѣлываніе земли, общинное землевладѣніе съ передѣлами (а именно такая форма землевладѣнія предшествовала разложенію общинной земельной собственности въ частную) не представляетъ вовсе или представляетъ очень мало неудобствъ для членовъ общины. Въ экстензивномъ хозяйствѣ вся общественная земля обрабатывается почти одинаково, а потому, при передѣлѣ, членъ общины, получая новый участокъ, взамѣнъ прежде воздѣлываемаго имъ, не теряетъ ничего или теряетъ очень мало.

Но условія хозяйства существенно измѣняются по мѣрѣ возрастанія его интензивности, то-есть по мѣрѣ увеличенія вкладываемаго въ землю труда и капитала. Чѣмъ интензивнѣе хозяйство, тѣмъ больше различія въ обработкѣ участковъ общественной земли. Отсюда никто не гарантированъ получить при передѣлѣ плохо обработанный участокъ взамѣнъ хорошо обработаннаго. Такимъ образомъ, передѣлъ становится нарушителемъ интересовъ хорошихъ хозяевъ въ пользу плохихъ. Въ общинѣ начинается движеніе къ устраненію передѣловъ,—движеніе, которое заканчивалось въ Западной Европѣ раздѣломъ общественной земли въ частную собственность.

Этотъ процессъ перехода общинной земли въ индивидуальную собственность, какъ результатъ возрастающей интензивности хозяйства, совершался въ Западной Европѣ постепенно. Въ теченіе долгаго времени ему предшествовали: удлиненіе сроковъ передѣловъ и выдѣлъ извѣстныхъ частей земли, не поступающихъ въ передѣлъ.

Съ увеличеніемъ интензивности хозяйства удлиняются періоды передѣловъ, такъ какъ, чѣмъ длиннѣе срокъ передѣла, тѣмъ бо́льшее вознагражденіе успѣетъ вернуть хозяинъ за сдѣланныя имъ затраты на землю.

«Передѣлы земель на долгіе сроки,—говоритъ земскій статистикъ г. Орловъ въ своемъ изслѣдованіи Московскаго уѣзда, — повсемѣстны въ тѣхъ волостяхъ, въ которыхъ земли болѣе удобрены и имѣютъ сравнительно высокую цѣнность. Наоборотъ, передѣлы на короткіе сроки и безсрочные

встрѣчаются въ волостяхъ, отличающихся бо́льшимъ обиліемъ земель, плохою обработкою ихъ и низкою арендною платою. Вообще же замѣчается постепенное удлиненіе сроковъ, на которые передѣляются земли». Подобно тому, какъ хозяинъ начинаетъ дорожить своимъ участкомъ тогда, когда онъ начинаетъ его интензивно обрабатывать, точно также онъ начинаетъ прежде дорожить тою частью своего участка, на которую онъ затрачиваетъ болѣе труда и капитала, тою частью своей земли, которая подвергается болѣе интензивному хозяйству. Такія части ранѣе другихъ исключаются изъ передѣла; онѣ остаются за даннымъ хозяиномъ, хотя остальной надѣлъ можетъ перейти къ другому общиннику. Здѣсь мы видимъ уже уничтоженіе передѣла, но только не относительно всей земли, а лишь извѣстной ея части. Различіемъ интензивности обработки объясняется, почему, прежде всего, изъ передѣла выходятъ дворовыя мѣста (усадьбы), затѣмъ приусадебныя земли (сады, огороды), потомъ пахотныя земли и позже всего пастбища, лѣса, пустыри и неудобныя мѣста, которыя или вовсе не обрабатываются, или обрабатываются очень мало. Такимъ образомъ, въ то время, какъ на однѣ земли общинное землевладѣніе или, по крайней мѣрѣ, общинное пользованіе уничтожается, на другія земли продолжаетъ существовать и общинное владѣніе, и общинное пользованіе. Въ Россіи дворовыя мѣста уже повсемѣстно вышли изъ передѣловъ. Продолжая оставаться общественной землей, они находятся въ наслѣдственномъ пользованіи. Лишь послѣ пожаровъ иногда совершается передѣлъ дворовыхъ мѣстъ. Приусадебная земля: огороды, сады, коноплянники и т. п., представляющіе весьма интензивное хозяйство, обыкновенно также состоятъ въ постоянномъ пользованіи; но по отношенію къ нимъ допускается тамъ и сямъ передѣлъ, хотя чрезъ болѣе долгіе сроки сравнительно съ пахотнымъ полемъ и съ сохраненіемъ, по возможности, за владѣльцами прежнихъ мѣстъ: новому члену отрѣзывается полоса съ краю, такъ что вся перемѣна въ приусадебной землѣ ограничивается нѣкоторымъ уменьшеніемъ ея пространства, приходящагося на каждаго домохозяина, и передвижкою границъ. Остальныя земли передѣляются безъ вниманія къ сохраненію за владѣльцами прежнихъ мѣстъ или остаются въ общемъ пользованіи.

Въ хозяйствѣ, которое ведется на приусадебныхъ земляхъ, не столько значенія имѣетъ земля, сколько средства обработки. На одномъ и томъ же, весьма незначительномъ, пространствѣ одинъ садоводъ, по свидѣтельству г. Орлова, получитъ въ Московскомъ уѣздѣ съ своего сада 1,000 руб., а другой не болѣе 50 руб. Валовой доходъ съ десятины огорода получается такой же, какъ и съ десятины сада *). Огромнымъ различіемъ интензивности хозяйства между приусадебными землями и остальными землями объясняется различіе въ способахъ передѣловъ первыхъ и вторыхъ земель.

*) «Сборникъ статистич. свѣд. по Москов. губ.», т. I, стр. 105 и 109.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы очевидцы процесса, выражающаго стремленіе устранить совершенно передѣлъ приусадебныхъ земель. Такъ, во многихъ обществахъ Московскаго уѣзда, у которыхъ приусадебная земля занята садами, отрѣзокъ садовой земли не допускается; излишнее количество ея замѣняется двойнымъ размѣромъ пахотной земли, которая и отрѣзывается въ пользу домовъ, имѣющихъ право (по числу душъ) на увеличеніе своего приусадебнаго надѣла. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, преимущественно въ тѣхъ, которыя занимаются огородничествомъ, приусадебная земля совсѣмъ не передѣляется; недостающее же количество приусадебной земли замѣняется одинаковымъ количествомъ полевой лучшаго качества; послѣдняя уже выключается изъ счета при раздѣлѣ пахотной земли. Въ другихъ обществахъ, также занимающихся садоводствомъ, допускаются отрѣзки отъ приусадебныхъ земель по числу душъ, но за то въ такихъ обществахъ передѣлы бываютъ очень рѣдки: приусадебныя земли обыкновенно не раздѣляются въ теченіе 15—20 лѣтъ. Однако, крестьяне остаются, и при продолжительности сроковъ, существующихъ для передѣловъ такой земли, очень недовольны ими, такъ что, напримѣръ, въ Чертановѣ (село Московскаго уѣзда) въ 1870 году дѣло доходило даже до суда, который порѣшилъ выдавать по оцѣнкѣ за садовыя деревья и кусты деньги такимъ домохозяевамъ, у которыхъ произведены отрѣзки приусадебныхъ земель. Платить должны домохозяева, получающіе отрѣзанную землю *).

Мы видѣли, въ какомъ порядкѣ, опредѣляемомъ интензивностью сельскохозяйственной культуры, выходятъ изъ передѣловъ или и вовсе изъ общиннаго владѣнія различные изъ воздѣлываемыхъ участковъ земли, ради устраненія возможности получить при передѣлѣ плохо обработанный участокъ взамѣнъ хорошо обработаннаго. Въ томъ же порядкѣ выходятъ изъ передѣловъ или и вовсе изъ общиннаго владѣнія различные по культурѣ участки земли, ради уничтоженія черезполосности. И это потому, что чѣмъ интензивнѣе культура, тѣмъ сильнѣе могутъ сказаться, при извѣстныхъ условіяхъ, невыгоды черезполосности. Невыгоды эти заключаются въ томъ, что черезполосность нерѣдко обусловливаетъ обязательно-однообразную для всѣхъ членовъ общины систему хозяйства, такъ называемую «принудительную обработку», чѣмъ стѣсняетъ индивидуальный хозяйственный починъ, и, далѣе, она ведетъ, при малоземельи, къ такой дробности полосъ, которая неблагопріятно отзывается на хозяйствѣ. При извѣстной узкости полосъ нельзя бороновать и пахать поперегъ. По мѣрѣ нарастанія населенія общинъ и при раздѣлѣ земли между всѣми членами увеличивается дробность полосъ, и, слѣдовательно, неудобства таковой дробности даютъ себя чувствовать болѣе и болѣе.

Таковы, на извѣстной ступени сельско-хозяйственной культуры и при извѣстной густотѣ населенія общинъ, важнѣйшія невыгодныя стороны той

*) Тамъ же, стр. 35.

формы общиннаго землевладѣнія, которая господствовала въ Западной Европѣ передъ своимъ разложеніемъ въ индивидуальную собственность и господствуетъ нынѣ въ Россіи, т.-е. той формы, которая содержитъ въ себѣ, во-первыхъ, чрезполосные передѣлы воздѣлываемыхъ земель съ дѣленіемъ земли между нарастающимъ населеніемъ общинъ и, во-вторыхъ, не вознаграждаетъ временныхъ владѣльцевъ земли за сдѣланныя ими на нее затраты въ томъ случаѣ, когда, при передѣлѣ, имъ приходится получить плохо обработанный участокъ взамѣнъ хорошо обработаннаго. Эти невыгодныя стороны играли роль главныхъ причинъ въ дѣлѣ самопроизвольнаго разложенія общиннаго землевладѣнія въ Западной Европѣ.

Переходимъ къ внѣшней причинѣ распаденія общиннаго землевладѣнія, заключающейся во вліяніи на общинное землевладѣніе законодательства.

Еще въ третьей четверти XVIII вѣка общинное владѣніе въ крестьянскихъ земляхъ на пастбища, лѣса и пустыри было почти повсемѣстно въ континентальной Европѣ. Такой порядокъ землевладѣнія былъ разрушенъ законодательствомъ. Западно-европейскія правительства, подъ вліяніемъ ученія экономистовъ того времени о благотворности индивидуальной собственности и экономической свободы, издаютъ законы объ уничтоженіи послѣднихъ слѣдовъ общиннаго землевладѣнія. Немногія правительства, какъ, напримѣръ, датское, хотя не издавали принудительныхъ законовъ къ раздѣлу общинныхъ земель въ частную собственность, тѣмъ не менѣе, способствовали разрушенію общины косвеннымъ путемъ: они учреждали кредитныя кассы для выдачи ссудъ крестьянамъ на издержки, сопряженныя съ уничтоженіемъ чрезполосности и раздѣломъ земель *).

Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи впервые возбудила у насъ Императрица Екатерина II. Въ 1765 году она предложила на разрѣшеніе только-что основаннаго «вольнаго экономическаго общества», между прочимъ, слѣдующій вопросъ:

«Многіе разумные авторы поставляютъ, и самые опыты доказываютъ, что не можетъ быть тамъ ни искуснаго рукодѣлія, ни твердо основанной торговли, гдѣ земледѣліе къ уничтоженію или нерачительно производится, что земледѣльство не можетъ процвѣтать тутъ, гдѣ земледѣлецъ не имѣетъ ничего собственнаго. Все сіе основано на правилѣ весьма простомъ: всякій человѣкъ имѣетъ болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, чего опасаться можетъ, что другой у него отыметъ. Поставляя сіи правила за неоспоримыя, осталось мнѣ просить васъ рѣшить: въ чемъ состоитъ или состоять должно, для твердаго распространенія земледѣльства, имѣніе и наслѣдіе хлѣбопашца? Иные полагаютъ, чтобъ то состояло въ участкѣ земли, принадлежащей отцу, сыну и потомкамъ его, съ пріобрѣтеннымъ движимымъ и недвижимымъ, какого бы то званія ни было; другіе, напро-

*) Многостороннее изслѣдованіе причинъ разложенія общины читатель найдетъ въ книгѣ проф. *М. Ковалевскаго*: «Общинное землевладѣніе», 1879 г.

тивъ того, полагаютъ на одинъ участокъ земли четыре и до восьми человѣкъ родовъ разныхъ и поставляютъ старшаго въ томъ обществѣ главнымъ или такъ называемымъ хозяиномъ; изъ сего послѣдуетъ, что сынъ послѣ отца не наслѣдникъ, слѣдовательно, и собственнаго не имѣетъ, называя собственнымъ только то, что тому обществу принадлежитъ, а не каждой особѣ. И такъ, нахожусь я въ великомъ недоумѣніи, не зная, на точный ли или на спекулятивный разумъ слова «собственное» полагаться. Я по сіе время почитаю собственнымъ то, чего ни у меня, ни у дѣтей моихъ безъ законной причины никто отнять не можетъ, и, по моему мнѣнію, то одно можетъ сдѣлать меня рачительнымъ; однако, въ семъ моемъ мнѣніи не утверждаюсь, а ожидаю для наставленія мнѣ и потомкамъ моимъ вашего на сіе рѣшенія».

Изъ самой постановки вопроса уже видно, что императрица склонялась къ отрицательному отвѣту; но ея свѣтлый умъ видѣлъ, что дѣло, во всякомъ случаѣ, требуетъ внимательнаго изслѣдованія. Однако, о вопросѣ забыли и не думали болѣе полувѣка.

Снова поднятъ вопросъ объ общинномъ землевладѣніи въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія московскими славянофилами, но совсѣмъ съ другой точки зрѣнія. Въ это время оцѣпенѣвшая русская мысль стала снова оживать. Отрѣзанная отъ практической области, которая была для нея заперта на-глухо, мысль могла пробовать свои силы только на теоретическихъ построеніяхъ изъ матеріаловъ, какіе давало тогдашнее знаніе, и въ эту-то сторону она и направилась. Московскіе славянофилы видѣли въ великорусской крестьянской общинѣ живое подтвержденіе своихъ основныхъ воззрѣній и потому относились къ установленнымъ въ ней издавна обычнымъ порядкамъ и нравамъ съ особеннымъ сочувствіемъ. Общество, владѣющее землей сообща, устраивающее пользованіе ею по взаимному соглашенію всѣхъ главъ семействъ или домовъ до единаго, недопущеніе счета голосовъ, большинства и меньшинства, при рѣшеніяхъ общихъ дѣлъ, круговая отвѣтственность всѣхъ за одного и одного за всѣхъ, — все это казалось воплощеніемъ высокаго христіанскаго идеала взаимныхъ отношеій между людьми, удержавшимся только у насъ и, притомъ, только въ крестьянствѣ.

Тогдашніе противники славянофиловъ, такъ называемые западники, рѣзко возражали противъ этой теоріи и противупоставляли ей свою. Въ ихъ глазахъ, русскій міръ и общинное владѣніе были лишь запоздалыми остатками патріархальнаго быта, подавлявшими личное, индивидуальное развитіе, энергію и иниціативу лица, безъ которой никакая правильная общественность немыслима. Единогласіе, круговая порука представлялись западникамъ не выраженіемъ любви, а путами, подъ давленіемъ которыхъ лицо принижалось и умалялось до нуля. Поэтому они желали не сохраненія, а скорѣйшаго разложенія и русской крестьянской общины, и русскаго крестьянскаго общиннаго землевладѣнія.

Изъ сказаннаго видно, что рѣчь шла не о русскомъ мірѣ и не объ общинномъ владѣніи, а по ихъ поводу о вопросахъ весьма отвлеченныхъ и общихъ. Два различныхъ воззрѣнія, на которыя распалась русская мысль, искали подтвержденія своихъ философскихъ тезисовъ въ фактахъ, еще ожидавшихъ разслѣдованія и тщательной критической разработки.

Въ 1856 году г. Чичеринъ, сперва въ диссертаціи, подъ заглавіемъ *Областныя учрежденія Россіи въ XVIII в.*, а впослѣдствіи въ другихъ своихъ статьяхъ, пытался объяснить историческое происхожденіе общиннаго землевладѣнія въ Россіи условіями великорусскаго быта въ московскій періодъ. По его мнѣнію, у насъ уже существовала личная крестьянская поземельная собственность, когда, съ одной стороны, крѣпостное право, а съ другой — круговая отвѣтственность въ исправномъ отбываніи податей и налоговъ, обезправили и обезличили крестьянскія массы. Подъ вліяніемъ взаимной отвѣтственности крестьянъ другъ за друга по отправленію непомѣрно тяжкаго тягла, они, по мнѣнію г. Чичерина, мало-помалу утратили сознаніе о личной поземельной собственности.

Это объясненіе, примыкавшее по своему характеру къ возраженіямъ западниковъ, вызвало въ свое время большіе споры. Теперь, когда мы знаемъ, что общинное землевладѣніе *существовало у всѣхъ народовъ*, объясненіе г. Чичерина утратило значеніе; но, несмотря на то, оно остается и до сихъ поръ весьма цѣннымъ вкладомъ въ исторію нашего общиннаго владѣнія, указывая на обстоятельства, которыя способствовали сохраненію этого вида землевладѣнія до нашего времени, тогда какъ оно, при иныхъ обстоятельствахъ, отчасти замѣнилось личною собственностью въ Малороссіи и въ земляхъ бывшаго Литовскаго великаго княжества.

Едва замолкли послѣдніе отголоски отвлеченныхъ теоретическихъ и историческихъ ученыхъ споровъ о русской общинѣ, какъ уже снова начались оживленные толки объ общинномъ землевладѣніи. На этотъ разъ вопросъ ставился практически, какъ его поставила императрица Екатерина. Приближалась отмѣна крѣпостнаго права. Она должна была глубоко затронуть весь нашъ бытъ и кореннымъ образомъ повліять на дальнѣйшія судьбы нашего крестьянства. Между различными вопросами первой важности, которые при этомъ предстояло рѣшить, на первомъ планѣ стоялъ вопросъ объ общинномъ владѣніи. Слѣдовало ли его отмѣнить, какъ устарѣлый и вредный остатокъ прошедшаго, или, напротивъ, удержать и сохранить? На этомъ воззрѣнія противниковъ и поборниковъ общиннаго землевладѣнія опять встрѣтились лицомъ къ лицу, только уже на другой почвѣ и при совершенно иныхъ обстоятельствахъ. Обѣ стороны, когда-то враждебныя между собою, тотчасъ же поняли, что теперь рѣчь уже идетъ не о теоретическомъ разномысліи, которое, каково бы оно ни было, во всякомъ случаѣ, подвигаетъ впередъ мысль, знаніе, а о практической постановкѣ дѣла, при которой малѣйшая ошибка неминуемо поведетъ за собою въ будущемъ неисчислимыя, хорошія или дурныя послѣдствія для

народа и государства. Естественно, что обѣ стороны отнеслись другъ къ другу гораздо серьезнѣе.

Сдѣлать практическій выводъ изъ этихъ споровъ выпало на долю редакціонной коммиссіи, образованной для проектированія положенія 19 февраля 1861 года. Члены коммиссіи принадлежали, по вопросу объ общинномъ владѣніи, къ одному изъ двухъ воззрѣній, между которыми раздѣлялись, отчасти и теперь раздѣляются мыслящіе русскіе люди. Коммиссія, дѣйствуя посреди общества, въ которомъ въ то время различіе воззрѣній доходило до крайностей и вражды, искала средній путь, который сблизилъ бы до соглашенія рѣзко противоположные другъ другу взгляды. Не присвоивая себѣ права разрушать народнаго обычая, котораго польза или вредъ не были окончательно выяснены, не навязывая крестьянству началъ, остававшихся спорными, редакціонная коммиссія приняла за основаніе существующій фактъ: тамъ, гдѣ общинное владѣніе было на дѣлѣ, тамъ оно оставлено; гдѣ оно уже замѣнилось участковымъ, послѣднее тоже признано. Затѣмъ слѣдовало опредѣлить порядокъ перехода крестьянъ отъ одной формы землевладѣнія къ другой. Въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ огромномъ большинствѣ образованнаго русскаго общества, да, кажется, и между членами редакціонной коммиссіи, господствовало убѣжденіе, что общинное владѣніе не имѣетъ будущности, что оно, рано или поздно, неизбѣжно должно перейти въ участковое. Никому не приходило тогда въ голову, что крестьяне могутъ когда-нибудь, какъ случалось впослѣдствіи, домогаться обращенія участковаго владѣнія въ общинное. При такомъ взглядѣ, въ положеніи 19 февраля 1861 года не было поставлено никакихъ правилъ о порядкѣ обращенія частной собственности въ общинную. Вниманіе редакціонной коммиссіи было обращено лишь на случаи перехода отъ общиннаго владѣнія къ частной собственности. Въ этомъ отношеніи, рѣшенію подлежали слѣдующіе вопросы: во-первыхъ, можно ли допустить въ принципѣ переходъ отъ общиннаго владѣнія къ индивидуальной собственности цѣлаго сельскаго общества? во-вторыхъ, если можно, то какъ поступать, когда не всѣ члены общества на то согласны? и въ-третьихъ, можно ли допустить выдѣленіе одного домохозяина изъ общиннаго владѣнія цѣлаго общества и, если можно, то какой порядокъ установить для такого рода случаевъ? Въ виду противоположныхъ воззрѣній на общинную и индивидуальную земельную собственность, рѣшить эти вопросы было не легко. Съ точки зрѣнія поборниковъ общины, на всѣ эти вопросы нельзя было отвѣтить иначе, какъ отрицательно; съ точки же зрѣнія противниковъ общины, они рѣшались безусловно въ положительномъ смыслѣ. Взаимныя уступки привели членовъ коммиссіи къ слѣдующему общему выводу: во-первыхъ, общинное владѣніе можетъ быть замѣнено индивидуальной собственностью, если за такую перемѣну выскажется не менѣе двухъ третей членовъ общества, имѣющихъ право голоса на сходѣ; во-вторыхъ, отдѣльные домохозяева могутъ выдѣ-

ляться изъ общины, если выкупятъ свой поземельный надѣлъ, но этотъ надѣлъ отводится имъ въ такомъ случаѣ особо, по усмотрѣнію общества. Это постановленіе редакціонной коммиссіи вошло въ положеніе 19 февраля 1861 года. Мысль, руководившая редакціонными коммиссіями при томъ и другомъ рѣшеніи, была, очевидно, такая: дозволить упраздненіе общиннаго землевладѣнія, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ доказано, что этого дѣйствительно желаетъ значительнѣйшее большинство общества; дозволить и отдѣльному домохозяину выдѣлиться изъ общины, но такъ однако, чтобъ остальные члены того общества не были стѣснены этимъ выдѣленіемъ и выгоды общественнаго землевладѣнія чрезъ то для нихъ не умалились.

Естественно, что на такое рѣшеніе вопроса можно взглянуть съ различныхъ точекъ зрѣнія: сочувствовать ему и не сочувствовать. Смотря по взгляду, можно находить его слишкомъ податливымъ или въ пользу личнаго землевладѣнія, или, наоборотъ, въ пользу общиннаго, и споръ о наилучшемъ отношеніи законодательства къ общинному владѣнію,—споръ между противниками и защитниками общиннаго землевладѣнія продолжается до настоящей минуты.

Съ тѣхъ поръ, какъ московскіе славянофилы подняли вопросъ объ общинѣ и общинномъ землевладѣніи, обстановка и условія русской жизни существенно измѣнились; отвлеченная точка зрѣнія смѣнилась практической и реальной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прежде можно было думать, что разногласіе, на самомъ дѣлѣ, не такъ важно и ограничивается тѣснымъ кружкомъ столицъ и столичныхъ газетъ и журналовъ; но со времени изданія матеріаловъ и отзывовъ, собранныхъ въ 1872 году министерствомъ государственныхъ имуществъ, думать такъ стало невозможно. Эти матеріалы, несомнѣнно, доказываютъ, что такое же разногласіе относительно общиннаго владѣнія существуетъ во всей Россіи. Въ то время, какъ одни видятъ въ немъ главную помѣху сельско-хозяйственному развитію, приписываютъ ему недостатокъ иниціативы, энергіи, самодѣятельности и бережливости въ крестьянскомъ населеніи, другіе полагаютъ, что общинное землевладѣніе способно, измѣняя свои формы, примѣняться къ прогрессу сельско-хозяйственной культуры и представляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрное обезпеченіе противъ бездомности и пролетаріата.

До послѣдняго времени вопросъ объ общинномъ землевладѣніи обсуждался почти исключительно на теоретической почвѣ. Теперь этотъ вопросъ начинаетъ выходить на новый путь, на которомъ только и можно ожидать полнаго его рѣшенія. Крестьянское землевладѣніе начинаютъ изучать фактически, и, притомъ, не только у насъ, но и за границей.

Указавъ главнѣйшія причины разложенія общины, перейдемъ къ разсмотрѣнію господствующаго въ современной Россіи порядка общиннаго землевладѣнія и, прежде всего, сдѣлаемъ его дефиницію.

Подъ *общиннымъ владѣніемъ* разумѣется владѣніе недвижимымъ иму-

ществомъ, принадлежащее обществу домохозяевъ, которые распоряжаются и пользуются имъ по взаимному между собою соглашенію.

Основныя характеристическія черты господствующей нынѣ въ Россіи формы общиннаго владѣнія суть слѣдующія:

1) Каждый домохозяинъ, какъ членъ общества, имѣетъ право участвовать въ распоряженіи и въ пользованіи имуществомъ, состоящимъ въ общинномъ владѣніи того общества.

2) По отношенію къ общинному владѣнію, общество домохозяевъ есть юридическое лицо особаго рода, представляемое не большинствомъ ихъ, а совокупностью всѣхъ. Вслѣдствіе того каждое распоряженіе имуществомъ, состоящимъ въ общинномъ владѣніи, предполагаетъ согласіе всѣхъ домохозяевъ *).

3) Недвижимое имущество, находящееся въ общинномъ владѣніи, принадлежитъ обществу на правахъ полной собственности, а потому домохозяева, по взаимному между собою соглашенію, могутъ распоряжаться имъ точно такъ же, какъ всякій личный собственникъ, — продавать, закладывать, отдавать въ наемъ или аренду и т. п., въ полномъ составѣ или по частямъ.

4) Порядокъ распредѣленія и виды пользованія земельнымъ имуществомъ, при общинномъ владѣніи, могутъ быть весьма разнообразны, смотря по обстоятельствамъ.

5) Когда земельное имущество, состоящее въ общинномъ владѣніи, распредѣляется въ отдѣльное пользованіе между домохозяевами, то такое распредѣленіе производится уравнительно, на основаніяхъ, установленныхъ съ общаго согласія всѣхъ домохозяевъ.

6) Ограниченія и стѣсненія, которымъ подвергаются домохозяева въ распоряженіи и пользованіи недвижимымъ имуществомъ при общинномъ владѣніи, не проистекаютъ исключительно изъ самаго существа общиннаго владѣнія, но зависятъ частью отъ принятыхъ теперь почти во всѣхъ нашихъ крестьянскихъ обществахъ способовъ распредѣленія и видовъ пользованія общиннымъ владѣніемъ, частью же отъ разныхъ другихъ обстоятельствъ и условій, въ которыя поставлено наше крестьянство.

Лицамъ, неимѣвшимъ случая познакомиться съ практикою общиннаго землевладѣнія въ нашихъ великорусскихъ деревняхъ, смыслъ многихъ изъ приведенныхъ положеній останется не совсѣмъ яснымъ. Поэтому мы считаемъ необходимымъ войти здѣсь, по поводу этихъ положеній, въ нѣкоторыя подробности.

Первое, что бросается въ глаза и вызываетъ недоумѣніе, это то, ка-

*) Таковъ обычай, который крѣпко держится у крестьянъ, несмотря не введеніе положеніемъ 19 февраля 1861 года новаго начала. Положеніе постановило, что соглашеніе между собою членовъ общества выражается въ приговорѣ сельскаго схода, каковой приговоръ считается состоявшимся, когда постановленъ двумя третями всѣхъ домохозяевъ селенія.

кимъ образомъ могутъ всѣ безъ изъятія домохозяева единогласно распоряжаться общиннымъ владѣніемъ? Въ случаѣ разногласія, которое не можетъ же не встрѣчаться, непремѣнно должно произойти одно изъ двухъ: или никакого рѣшенія, за отсутствіемъ единогласія, не состоится, или же голосъ меньшинства будетъ подавленъ большинствомъ. Чтобъ объяснить эту кажущуюся странность, не должно терять изъ виду, что общинное владѣніе есть народный обычай. По убѣжденію крестьянъ, единогласное рѣшеніе домохозяевъ есть непремѣнное условіе всякаго распоряженія ихъ общиннымъ владѣніемъ. Что они дѣйствительно такъ понимаютъ дѣло,— извѣстно всякому, кто приглядывался къ быту великорусскихъ и бѣлорусскихъ деревень. Не только въ распоряженіяхъ общинною землею, но и во всякихъ рѣшеніяхъ сельскаго общества непремѣнно предполагается, что всѣ до единаго согласны, и пока единогласіе не достигнуто, общество ни на что не рѣшается. Требованіе единогласнаго вердикта отъ англійскихъ присяжныхъ, безъ сомнѣнія, вытекаетъ изъ того же стародавняго воззрѣнія.

Какимъ же образомъ, спроситъ читатель, могутъ, при такихъ условіяхъ, дѣлаться крестьянскими обществами какія бы то ни было распоряженія? А очень просто: меньшинство или убѣждается доводами большинства, или, не убѣдившись, добровольно уступаетъ, чтобъ быть за одно со всѣми. Безпрестанно случается видѣть, что цѣлое крестьянское общество на многихъ сходкахъ выбивается изъ силъ, чтобы уломать одного изъ своихъ членовъ сосласиться со всѣми, и, не получивъ его согласія, отлагаетъ дѣло.

Далѣе. Правильному пониманію общиннаго землевладѣнія существенно мѣшаетъ смѣшеніе этой формы вещныхъ правъ съ существующими теперь у большинства нашего крестьянства способами хозяйства и распорядка земель. Между великорусскими крестьянами почти вездѣ принято распоряжаться общинною землею слѣдующимъ образомъ.

1) Дворовыя мѣста находятся, по обычаю, въ наслѣдственномъ пользованіи и передѣлу не подвергаются, — развѣ иногда послѣ пожара. Здѣсь крестьянинъ полный хозяинъ, можетъ заводить и строить что ему угодно. Но этотъ участокъ не есть его собственность, и если онъ выбудетъ изъ общества, то усадьба его поступаетъ въ распоряженіе общества; только то, что на ней построено, принадлежитъ ему или его наслѣдникамъ, если они не захотятъ удержать за собой усадебной земли. Согласно съ тѣмъ, домохозяинъ не можетъ ни продать, ни заложить своей усадьбы въ общинной землѣ.

2) Приусадебная земля: огороды, сады, конопляники и т. п. обыкновенно также состоятъ въ постоянномъ пользованіи, но по отношенію къ нимъ допускается передѣлъ, хотя чрезъ болѣе долгіе сроки, сравнительно съ пахатнымъ полемъ, и съ сохраненіемъ, по возможности, за владѣльцами прежнихъ мѣстъ; новому члену отрѣзывается полоса съ краю,

такъ что вся перемѣна въ приусадебной землѣ ограничивается нѣкоторымъ уменьшеніемъ ея пространства на каждый дворъ и передвижкою границъ.

3) Вся общинная земля, предназначенная для хлѣбопашества, дѣлится въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ведется трехпольное хозяйство, на три поля, изъ которыхъ одно остается подъ паромъ, а остальныя два опять дѣлятся,—смотря по качеству почвы, или по отдаленности отъ усадебъ, по степени наклона,—на нѣсколько *коновъ*, или, иначе, *клиновъ*, *гривовъ*, *чередовъ*. Число ихъ въ Московской губерніи колеблется отъ 3 до 20 въ полѣ; въ среднемъ выводѣ, изъ наблюденій надъ 800 общинами на поле приходится въ этой губерніи 11 коновъ. Коны, въ свою очередь, подраздѣляются на равное число полосъ, соотвѣтственно числу ревизскихъ душъ или вообще числу единицъ дѣленія (тяголъ, наличныхъ мужскихъ душъ, ѣдоковъ), и распредѣляются между крестьянами по жребію. Эти участки называются паями, жеребьями, загонами и т. д. Ширина полосъ обусловливается, съ одной стороны, размѣрами коновъ, съ другой—числомъ дворовъ, участвующихъ въ передѣлѣ, и ихъ составомъ. Вообще же они довольно узки. Въ 124 деревняхъ Московской губерніи, по наблюденіямъ г. Орлова, средняя ширина полосъ, при колебаніяхъ отъ 3 до 45 аршинъ, равняется 11 аршинамъ. Въ видахъ устраненія неудобствъ, проистекающихъ отъ узости и разбросанности полосъ, если пашня, бороньба и посѣвъ дѣлаются затруднительными, крестьяне прибѣгаютъ къ различнымъ мѣрамъ. По свидѣтельству г. Орлова, изслѣдовавшаго Московскую губернію, «крестьяне охотно приплачиваютъ за промѣнъ своихъ полосъ на другія, лежащія въ одномъ мѣстѣ. Вотъ почему большинство обществъ дѣлитъ свои земли на двудушныя полосы, которыя поступаютъ одному домохозяину, если въ его семействѣ оказывается болѣе одной души» *).

Сроки передѣловъ въ разныхъ общинахъ различны, иногда очень длинны. «Въ 4,442 общинахъ Московской губерніи въ продолженіе 20 лѣтъ, съ 1858 годъ по 1878 г., было 9,427 передѣловъ, то-есть каждая община дѣлила свою землю въ теченіи двухъ десятилѣтій $2_{,1}$ разъ. По отдѣльнымъ общинамъ отклоненія отъ этой средней весьма значительны: 37% всѣхъ общинъ дѣлили землю только 1 разъ, тотчасъ послѣ ревизіи, 42% два раза, только $20_{,5}$% передѣляли болѣе двухъ разъ, отъ 3 до 6. Слѣдовательно, даже въ Московской губерніи, гдѣ существуетъ такъ много благопріятныхъ условій для частныхъ передѣловъ (очевидный разсчетъ для каждаго свалить съ себя надѣлъ, присутствіе фабричныхъ, пользующихся передѣлами для того, чтобы получить лучше удобренныя полосы), передѣлы рѣдки. Въ среднемъ, каждый дворъ пользуется землею $12^{1}/_{2}$ лѣтъ, то-есть можетъ снять съ поля четыре хлѣба,—періодъ, достаточно продолжительный для того, чтобы выручить всѣ затраты на удобреніе почвы. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ при передѣлѣ заранѣе опредѣляется время бу-

*) «Сборникъ статист. свѣд. по Москов. губ.», т. I, стр. 37.

дущаго передѣла; въ другихъ условливаются дѣлить «по надобности», но, во всякомъ случаѣ, года за два, за три до передѣла всякій знаетъ о времени его наступленія *).

Основа передѣловъ заключается въ сознаніи народа о равномъ правѣ всѣхъ членовъ общины на землю, а потому самый общій поводъ къ передѣламъ заключается въ измѣненіи населенія общины. Но на сроки передѣловъ вліяютъ и другія обстоятельства, особенно размѣры налоговъ. Въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ налоги превышаютъ доходность земли, крестьяне нерѣдко стараются освободиться отъ надѣла съ цѣлью избавиться отъ платежа непосильныхъ налоговъ, и міръ принужденъ приступать къ передѣлу для того, чтобы навязать землю другимъ дворамъ, рабочія силы которыхъ увеличились. Изслѣдованія земскихъ статистиковъ не оставляютъ никакого сомнѣнія, что частность передѣловъ находится въ прямомъ отношеніи съ обременительностью платежей; въ Московской губерніи полные собственники, уплачивающіе по 1 р. 2 к. съ десятины, передѣлили земли послѣ ревизіи $1,_2$ раза, между тѣмъ, бывшіе владѣльческіе крестьяне, вносящіе по 4 р. 9 к. съ десятины, производили передѣлъ въ тотъ же періодъ $2,_6$ раза. Съ обѣднѣніемъ крестьянъ, слѣдовательно, съ уменьшеніемъ платежной способности, передѣлы становятся чаще: такъ, волости съ 16% безлошадныхъ дѣлили отъ 1 до 2 разъ, съ 19%—отъ 2 до 3 разъ, съ 22%—болѣе 3 разъ **).

Изъ изложеннаго видимъ, что воздѣланная пашня находится хотя и въ отдѣльномъ, но въ то же время не въ постоянномъ, а всецѣло въ срочномъ пользованіи общинниковъ. Этимъ общинное владѣніе на пахатныя земли рѣзко отличается отъ таковаго же владѣнія на дворовыя и приусадебныя земли. Дворовыя земли, какъ мы уже знаемъ, передѣлу не подлежатъ. Приусадебныя земли хотя и подлежатъ обыкновенно передѣлу, но не всецѣло; на нихъ дѣлаютъ только отрѣзки и прирѣзки; большая же часть приусадебной земли остается въ постоянномъ, наслѣдственномъ пользованіи.

4) Порядокъ пользованія лѣсомъ зависитъ отъ его качества. Кустарники находятся обыкновенно въ нераздѣльномъ пользованіи, такъ что каждый можетъ рубить сколько нужно для домашняго потребленія; болѣе цѣнный лѣсъ или заказывается, или раздѣляется, подобно полю, въ отдѣльное пользованіе, или оставляется въ пользованіи всѣхъ домохозяевъ.

5) Луговые покосы не отводятся домохозяевамъ въ отдѣльное пользованіе, а дѣлятся обыкновенно на участки, подобно полю, лишь передъ самымъ покосомъ.

6) Выгоны находятся повсюду въ общемъ пользованіи, и каждый до-

---

*) «Очеркъ экон. быта земледѣльчес. населенія Россіи». (Дополненіе къ всеобщей географіи Реклю). *Соколовскій*, стр. 197.

**) Тамъ же, стр. 198.

мохозяинъ можетъ посылать на нихъ весь свой скотъ, сколько бы головъ ни было.

7) Что касается до другихъ угодій, какъ каменоломни, мельницы, пристани и пр., то только въ рѣдкихъ случаяхъ міръ эксплоатируетъ ихъ самъ; обыкновенно же они сдаются въ аренду богатымъ односельцамъ или пришлымъ людямъ.

Таковъ, въ самыхъ общихъ и главныхъ чертахъ, теперешній порядокъ общиннаго землевладѣнія у великорусскихъ крестьянъ. Отъ него, здѣсь и тамъ, встрѣчаются весьма замѣчательныя отступленія, вызываемыя интересами сельскаго хозяйства.

Одно изъ заблужденій, производящее едва ли не наибольшую путаницу въ понятіяхъ объ общинномъ землевладѣніи, заключается въ томъ, что многіе считаютъ принятые теперь у нашихъ крестьянъ сельско-хозяйственные порядки за самую суть общиннаго землевладѣнія; въ недостаткахъ первыхъ видятъ аргументъ противъ послѣдняго и убѣждены, что, осуждая передѣлы пашни, чрезполосность и дробность крестьянскихъ владѣній, трехпольную систему хозяйства, они тѣмъ самымъ произносятъ смертный приговоръ общинному владѣнію. Между тѣмъ, общинное землевладѣніе, по своей природѣ, допускаетъ весьма разнообразныя формы сельско-хозяйственныхъ порядковъ; оно допускаетъ и такія формы, которыя могутъ удовлетворить требованіямъ самой высокой культуры. Выясненіе этой мысли составитъ главное содержаніе дальнѣйшаго изложенія.

Выше было сказано, что невыгодныя стороны формы общиннаго владѣнія, сопряженной съ передѣлами безъ вознагражденія за сдѣланныя на землю затраты и черезполосностью, даютъ себя чувствовать лишь на извѣстной ступени сельско-хозяйственной культуры и при извѣстной густотѣ населенія общинъ. Когда невыгодныя стороны такой формы общиннаго владѣнія начинаютъ заявлять себя рѣзко, тогда или измѣняется форма общиннаго владѣнія соотвѣтственно новымъ требованіямъ сельско-хозяйственной культуры, или совершается раздѣлъ общинной земли въ частную собственность, если государство допускаетъ такой раздѣлъ, а общины или не умѣютъ приспособить общинное владѣніе къ новымъ требованіямъ жизни, или находятъ частную собственность болѣе выгодной для себя. Само собой понятно, что между тѣмъ моментомъ, когда только начинаютъ возникать невыгоды данной формы общиннаго владѣнія, и тѣмъ—когда они заявляютъ себя настолько повсемѣстно и рѣзко, что вызываютъ или измнѣненіе господствующей формы общиннаго владѣнія, или переходъ ея въ частную собственность, проходитъ болѣе или менѣе длинный періодъ времени и не одинаковый для разныхъ мѣстностей. Различія въ продолжительности этого періода для разныхъ мѣстностей обусловливаются густотою населенія, близостью большихъ рынковъ, путями сообщенія, цѣною на сельско-хозяйственные продукты. Всѣ эти обстоятельства опредѣляютъ степень требуемой

интензивности культуры, а густота населенія общины опредѣляетъ, сверхъ того, степень черезполосности и дробности земельныхъ участковъ.

Несомнѣнно, значительная часть нашихъ общинъ находится въ такомъ положеніи, когда невыгоды господствующей въ настоящее время формы общиннаго землевладѣнія заставляютъ себя не мало чувствовать. Для всѣхъ такихъ общинъ существующая форма общиннаго землевладѣнія вступила въ состояніе кризиса. Будетъ ли результатомъ этого кризиса измѣненіе формы общиннаго землевладѣнія или переходъ его въ частную собственность—предрѣшить этотъ вопросъ невозможно. Всѣ собранныя свѣдѣнія, а ихъ не мало, показываютъ, что огромное большинство крестьянъ не обнаруживаетъ желанія къ раздѣлу общественной земли въ частную собственность по различнымъ соображеніямъ, а главнымъ образомъ изъ опасенія лишиться земли. *Только дайте намъ свободу продавать землю*, говорятъ крестьяне, *и тогда большинство изъ насъ станетъ чуть не даромъ сбывать ее* *). Вмѣстѣ съ тѣмъ, во множествѣ общинъ совершается уже процессъ приспособленія къ новымъ условіямъ хозяйства,—процессъ, выражающійся въ удлиненіи сроковъ передѣловъ, въ различныхъ мѣрахъ къ уменьшенію черезполосности и дробности земли, въ устройствѣ отдѣльныхъ пастбищъ съ проѣздомъ къ нимъ не черезъ полосы сосѣдей. Сверхъ того, есть примѣры усвоенія общинами самой высшей организаціи труда, а именно: общинной организаціи труда, состоящей въ соединеніи всѣхъ дворовъ въ одно цѣлое для общаго хозяйства. Такая организація труда соединяетъ всѣ выгоды мелкой и крупной частной собственности, устраняя въ то же время ихъ недостатки. Разумѣется, переходъ къ этой организаціи не легокъ, почему и примѣровъ ея немного; но, несомнѣнно, расширенію ея могло бы оказать большую услугу законодательство, если бы оно опредѣлило юридическій характеръ этой формы общиннаго землевладѣнія и тѣмъ открыто дало бы ей юридическую санкцію. «Умалчивая», говоритъ г. Соколовскій, «объ отдѣльныхъ случаяхъ общественныхъ запашекъ въ тѣхъ или другихъ селеніяхъ (см. *Сборн. матер. о позем. общ.*, т. I, стр. 20—21), мы скажемъ лишь нѣсколько словъ о ихъ распространеніи въ Пензенской губерніи, гдѣ онѣ встрѣтили сочувствіе со стороны губернатора. Общественныя запашки введены здѣсь недавно, въ послѣдніе 3—4 года. Но это новое дѣло успѣло уже дать замѣтные результаты. Крестьянскія общества, у которыхъ есть хотя сколько-нибудь лишней—если только можно такъ выразиться — земли, отдѣляютъ нѣсколько десятинъ для обработки ихъ цѣлымъ обществомъ, сообща, одновременно, подъ руководствомъ наиболѣе опытнаго хозяина, и, послѣ сбора, хлѣбъ дѣлится пропорціонально между всѣми. Хотя эта мѣра и затруднительна при недостаточномъ надѣлѣ, однако, она прививается въ Пензенской губерніи хорошо; число общественныхъ запашекъ быстро возрастаетъ; въ Чембарскомъ уѣздѣ,

*) Тамъ же стр. 38.

напр., въ нынѣшнемъ году (1881) явилось 170 новыхъ общественныхъ запашекъ; во всей же губерніи считается теперь 974 общественныхъ запашки, пространствомъ въ 9,407 десятинъ. На каждую запашку приходится, среднимъ числомъ, $9^2/_3$ десятины. Ограниченный размѣръ общественныхъ запашекъ объясняется недостаткомъ земли; судя по тому, какъ развиваются общественныя запашки, смѣло можно поручиться, что, если бы только крестьяне имѣли кредитъ для покупки или аренды земли, число запашекъ значительно возросло бы. Крестьяне охотно устраиваютъ общественныя запашки, потому что урожай на такихъ поляхъ вездѣ замѣтно лучшій. Какъ извѣстно, по примѣру Пензенской губерніи, общественныя запашки стали заводить и въ другихъ губерніяхъ, напримѣръ Курской»*).

Повторяемъ, невозможно предрѣшить вопросъ: будетъ ли совершающійся нынѣ процессъ приспособленія общиннаго землевладѣнія къ новымъ условіямъ жизни развиваться и распространяться, и, такимъ образомъ, господствующій въ современной Россіи порядокъ общиннаго землевладѣнія перейдетъ въ новую форму, или же, напротивъ, общинное землевладѣніе разложится въ частную собственность. Но несомнѣнно то, что будущая судьба общиннаго землевладѣнія значительно опредѣлится тѣмъ, будутъ ли законодательства и школы,—эти два важные фактора общественной жизни,—заботиться объ его развитіи или способствовать его разрушенію.

Займемся теперь оцѣнкою невыгодныхъ сторонъ господствующей въ настоящее время формы общиннаго землевладѣнія, которыя имѣютъ мѣсто уже для значительной части общинъ. При этомъ мы коснемся не только дѣйствительно существующихъ невыгодныхъ сторонъ, но и тѣхъ воображаемыхъ, которыя обыкновенно приводятся противъ общиннаго землевладѣнія. Разсмотрѣть неправильныя возраженія противъ общиннаго землевланія мы считаемъ нужнымъ въ виду ихъ большей распространенности и для устраненія упрека, что въ нашемъ изслѣдованіи упущена та или другая невыгодная сторона современной формы общиннаго землевладѣнія въ Россіи.

Среди нападокъ на господствующую въ современной Россіи форму общиннаго владѣнія на первомъ планѣ стоитъ слѣдующее возраженіе. Значительнѣйшая часть земли находится, вслѣдствіе передѣловъ, въ временномъ пользованіи общинниковъ, а временное пользованіе сильно препятствуетъ земельнымъ улучшеніямъ, вслѣдствіе неувѣренности владѣльцевъ, что они сами воспользуются результатами своихъ усилій и пожертвованій.

Возраженіе сформулировано очень неправильно и сбивчиво. Прежде всего, слѣдуетъ различать два рода земельныхъ улучшеній. Одни входятъ въ сферу индивидуальной свободы и могутъ быть выполнены каждымъ отдѣльнымъ хозяиномъ, какъ, напримѣръ, удобреніе; другіе требуютъ согласія сосѣдей и могутъ быть выполнены лишь союзомъ людей, таковы: осушеніе, ирригація, регулированіе рѣкъ, сооруженіе плотинъ и тому подобное. По самому

*) «Очеркъ экон. быта земледѣльч. населенія Европ. Россіи», стр. 200.

характеру послѣднихъ они должны предприниматься на пространствѣ значительныхъ площадей и, во всякомъ случаѣ, немыслимы исключительно на томъ клокѣ земли, которымъ владѣетъ крестьянинъ-общинникъ. Если общинное владѣніе съ временнымъ пользованіемъ, при извѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, задерживаетъ прогрессъ земельныхъ улучшеній перваго рода, то оно не только ни мало не препятствуетъ улучшеніямъ втораго рода, но даже облегчаетъ ихъ выполненіе. И это потому, что плодами земельныхъ улучшеній втораго рода пользуется вся община и, вмѣстѣ съ тѣмъ, согласить на такія улучшенія членовъ общины гораздо легче, чѣмъ частныхъ собственниковъ. Крестьянскія общества, уже привыкшія дѣйствовать съ общаго согласія всѣхъ членовъ, уже сложившіяся по привычкѣ въ организованныя единицы, представляютъ гораздо болѣе удобствъ для выполненія общихъ предпріятій на болѣе или менѣе обширномъ пространствѣ, чѣмъ соотвѣтственное количество личныхъ землевладѣльцевъ на такомъ же пространствѣ, но ничѣмъ между собою не связанныхъ. Эта мысль хорошо выяснена въ книгѣ г. Постникова: *Общинное землевладѣніе*. Примѣромъ Англіи и Пруссіи онъ доказываетъ, что осушеніе большихъ пространствъ производилось и въ этихъ странахъ не иначе, какъ при вмѣшательствѣ правительства, при его дѣятельномъ содѣйствіи по установленію плана работъ, надзору за ихъ выполненіемъ и по доставленію необходимыхъ для того значительныхъ средствъ. Весьма замѣчательно, что даже въ Англіи, гдѣ начало личной независимости и свободы развито такъ сильно, какъ нигдѣ на европейскомъ континентѣ, законодательство допускаетъ принудительныя мѣры противъ землевладѣльцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оказываются нужными улучшенія почвы для земледѣлія на большихъ пространствахъ. Такъ, если двѣ трети землевладѣльцевъ признаютъ такое улучшеніе необходимымъ, то остальная треть волей неволей должна подчиниться этому рѣшенію, принять планъ, покориться приведенію его въ исполненіе и даже нести издержки, падающія на нихъ по этому предмету, по общей раскладкѣ. О Пруссіи и говорить нечего; тамъ, въ этомъ отношеніи, правительство распоряжалось, не стѣсняясь желаніемъ или нежеланіемъ владѣльцевъ. Г. Постниковъ, кромѣ того, указываетъ еще и на другой не менѣе любопытный фактъ: и въ Англіи, и въ Пруссіи дѣятельность по улучшенію почвы для земледѣлія и сельскаго хозяйства замѣтно ослабѣла съ тѣхъ поръ, какъ правительства этихъ странъ, вѣроятно подъ вліяніемъ взгляда, что починъ въ дѣлахъ общественной пользы долженъ принадлежать не государству, а самому обществу, ослабили свою инициативу и издали законы, предоставившіе большій просторъ самодѣятельности землевладѣльцевъ. Факты эти до очевидности разъясняютъ, что упрекъ общинному владѣнію, будто бы оно представляетъ помѣхи для расчистки, осушенія и орошенія полей и луговъ, лишены всякаго основанія и построены на однѣхъ фантазіяхъ, ничѣмъ не подкрѣпленныхъ. Примѣры, напротивъ, доказываютъ, что у насъ сельскія общества, и даже цѣлыя во-

лости, при общинномъ владѣніи, выполняютъ иногда значительныя работы для осушенія пашни и луговъ. Любопытный примѣръ осушенія болота цѣлымъ обществомъ приведенъ г. Якушкинымъ (*Обычн. право*, стр. XVII). Въ Угодичской волости, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, находилось во владѣніи государственныхъ крестьянъ села Якимовскаго съ деревнями обширное покосное болото. Для осушенія его крестьяне прорыли канавы, длиною около 5 верстъ. За одну очистку этихъ канавъ они впослѣдствіи заплатили 720 руб. Въ селѣ Копринѣ, Рыбинскаго уѣзда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, употреблено 200 рублей на осушеніе 30 дес. болота подъ пашню и подъ посѣвъ клевера; а въ этомъ селѣ, по X ревизіи, числилось всего 137 душъ. Въ Олонецкой губерніи и уѣздѣ крестьяне Тускинской волости, въ числѣ 800 человѣкъ, окруженные болотами, положили осушить ихъ міромъ; два года они рыли общими силами канавы, два года выжигали торфъ, три года получали великолѣпные урожаи хлѣба съ осушенныхъ болотъ и затѣмъ стали получать съ нихъ отличное сѣно, до 500,000 пудовъ (Постниковъ: *Общинное владѣніе*, выпускъ I, стр. 134). Такіе примѣры нерѣдки, хотя они лишь случайно попадаютъ въ печать, потому что за изученіе экономической жизни крестьянъ принялись у насъ, сравнительно, очень недавно. Будь на мѣстѣ крестьянъ мелкіе личные собственники,—никогда бы имъ не соединиться самимъ между собою для осушенія болотъ, подобно копринцамъ и тускинцамъ. Мы не умѣемъ не только полюбовно соединяться для общаго экономическаго предпріятія, но даже и раздѣлиться или размежеваться не можемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, насилу-насилу привели къ соглашенію какихъ-нибудь тридцать личныхъ землевладѣльцевъ Куяльницкаго и Ходжибайскаго лимановъ близъ Одессы, когда того требовала ихъ очевидная выгода и, въ случаѣ несоглашенія, имъ грозила потеря собственности. Сколько на примиреніе различныхъ интересовъ потрачено времени, безплодныхъ переговоровъ, сколько принесено казною матеріальныхъ пожертвованій! Надобно еще замѣтить, что въ приведенномъ случаѣ правительство, желавшее устроить соляной промыселъ близъ Одессы, настаивало на соглашеніи и имѣло въ рукахъ сильныя средства принудить къ тому владѣльцевъ. И такъ, община, какъ готовый и привычный къ общественнымъ работамъ союзъ, скорѣе и легче можетъ осуществить такія хозяйственныя улучшенія, которыя предпринимаются на пространствѣ зничительныхъ площадей и требуютъ согласія сосѣдей, нежели масса разрозненныхъ индивидуальныхъ владѣльцевъ, которыхъ приходится соединять къ этой цѣли чрезъ принужденіе.

Временное пользованіе отзывается дѣйствительно неблагопріятно на земельныхъ улучшеніяхъ, входящихъ въ сферу индивидуальной свободы члена общины, то-есть на такихъ улучшеніяхъ, выполненіе которыхъ зависитъ единственно отъ доброй воли общинника. Отзывается временное пользованіе здѣсь неблагопріятно въ томъ случаѣ, когда владѣлецъ, по причинѣ временнаго пользованія участкомъ, не разсчитываетъ выручить достаточ-

ное вознагражденіе за предлежащія ему земельныя улучшенія. Не разсчитывая получить достаточнаго вознагражденія за улучшенія, владѣлецъ земли и не предприметъ ихъ иначе, какъ по ошибкѣ. Для устраненія такой невыгодной стороны временнаго пользованія надо создать для временнаго владѣльца земли увѣренность, что онъ воспользуется всѣми плодами своихъ усилій и пожертвованій. Къ этому, при существованіи передѣловъ, существуетъ два пути. Первый путь, не устраняющій вполнѣ неблагопріятнаго вліянія временнаго пользованія на земельныя улучшенія, но, тѣмъ не менѣе, значительно ослабляющій его дѣйствіе, заключается въ удлиненіи сроковъ передѣловъ и приданіи имъ опредѣленности. Второй путь, достигающій цѣли вполнѣ, состоитъ въ обезпеченіи каждому домохозяину вознагражденія за всѣ сдѣланныя имъ въ своемъ надѣлѣ улучшенія, когда его земля при передѣлѣ переходитъ къ другому хозяину. Разсмотримъ оба эти пути.

При экстензивной культурѣ, *не требующей* удобренія совсѣмъ или *очень мало*, передѣлы совершенно безвредны. Естественныя различія почвы уравновѣшиваются разбивкой пашни на клины, а въ предѣлахъ каждаго клина земли совершенно одинаковы, пахать и засѣвать ту ли или другую полосу совершенно все равно. Вотъ что давало полную возможность ежегодно уравнивать доли всѣхъ участниковъ общиннаго владѣнія, не нарушая строгой справедливости. Ежегодный передѣлъ, съ распредѣленіемъ полосъ между участниками по жребію, окончательно уравновѣшивалъ незначительныя и случайныя неравенства, которыя могли еще оставаться послѣ разбивки пашни на клины и полосы. Но съ истощаніемъ земель, съ появленіемъ необходимости удобрять землю и тщательнѣе ее обрабатывать, условія передѣла существенно измѣняются. Передѣлъ въ первоначальномъ своемъ видѣ начинаетъ представляться несправедливымъ, отнимая полосу унавоженную и хорошо обработанную у хозяина, который объ этомъ старался, и отдавая ее, совершенно случайно, въ руки другого, который ничего или мало сдѣлалъ для улучшенія своей земли, а захудалую и тощую полосу—старательному хозяину. Такая несправедливость стараго передѣла, посреди новыхъ условій хозяйства, приводитъ мало-по-малу къ нѣкоторымъ измѣненіямъ прежняго порядка, а именно: постепенно отмѣняютъ ежегодные передѣлы и производятъ ихъ черезъ болѣе продолжительные промежутки времени, — черезъ три, пять, шесть, девять, двѣнадцать, пятнадцать и двадцать лѣтъ. Такой процессъ удлиненія сроковъ передѣловъ начался въ Россіи уже давно и продолжаетъ развиваться и распространяться. Установленіе срока передѣла, превышающаго двадцать лѣтъ, встрѣчается весьма рѣдко. За такой періодъ времени успѣваетъ вырости новое поколѣніе взрослыхъ работниковъ, и удлиненіе срока передѣла далѣе двадцати лѣтъ сталкивается съ народнымъ сознаніемъ о равномъ правѣ на землю всѣхъ членовъ общины. Сроки передѣловъ въ 12, 15, 20 лѣтъ совершенно достаточны, чтобы временной владѣлецъ нашелъ выгоднымъ предпринять *всѣ*

виды земельныхъ улучшеній, которыя входятъ въ сферу его индивидуальной свободы (см. *Общ. землевл.* Постниковъ). Земельныя улучшенія, требующія большихъ затратъ и возвращающіяся чрезъ болѣе продолжительное время, суть тѣ (какъ, напр., осушеніе, орошеніе), которыя производятся на большомъ пространствѣ и, касаясь всѣхъ членовъ общины, выполняются цѣлымъ обществомъ домохозяевъ. Въ Англіи сельскимъ хозяйствомъ занимаются не собственники, а фермеры, то-есть временные владѣльцы земли. Обычный срокъ аренды отъ 9 до 12 лѣтъ. И въ то же время сельское хозяйство здѣсь достигло наиболѣе цвѣтущаго состоянія. Правда, чѣмъ интензивнѣе культура, чѣмъ болѣе индивидуальнаго труда вкладывается на участокъ, тѣмъ возможна бо́льшая разница въ степени обработки разныхъ участковъ земли, увеличивающая размѣры потерь въ случаѣ замѣны при передѣлѣ отлично воздѣланныхъ участковъ плохо воздѣланными, тѣмъ рѣзче выступаетъ движеніе въ пользу постояннаго пользованія земельными участками.

Общинное землевладѣніе съ передѣлами черезъ продолжительные промежутки времени допускаетъ, какъ мы уже сказали, всѣ виды земельныхъ улучшеній, доступныхъ отдѣльному домохозяину. Невыгодная же сторона этой формы владѣнія, насколько она вытекаетъ изъ временнаго пользованія, заключается въ томъ, что какъ бы ни были продолжительны сроки передѣловъ, но, при отсутствіи вознагражденія за сдѣланныя на землю затраты, общинникъ прекращаетъ предъ наступленіемъ срока передѣла тѣ земельныя улучшенія, за которыя онъ не разсчитываетъ успѣть выручить достаточное вознагражденіе. Такъ, въ Россіи крестьяне тѣхъ селеній, гдѣ рядомъ съ хорошо воздѣланными землями имѣются и плохо воздѣланныя земли, предъ наступленіемъ срока передѣла перестаютъ вовсе или въ значительной степени удобрять поля. Въ этомъ отношеніи общинное владѣніе раздѣляетъ одинаковую судьбу съ фермерскимъ хозяйствомъ, когда фермеръ не разсчитываетъ получить при прекращеніи аренды вознагражденія за исполненныя имъ затраты. Устранить эту невыгодную сторону временнаго пользованія возможно лишь чрезъ введеніе вознагражденія за сдѣланныя временнымъ владѣльцемъ затраты на землю. Сельское хозяйство въ Англіи находится особенно въ цвѣтущемъ состояніи въ тѣхъ графствахъ, гдѣ распространенъ обычай уплачивать фермеру по прекращеніи аренды недоборъ на сдѣланныя имъ земельныя улучшенія. Тема о совершенной безвредности временнаго пользованія землею, при условіи вознагражденія за сдѣланныя на землю затраты, составляетъ главное содержаніе перваго тома диссертаціи г. Постникова объ *Общинномъ землевладѣніи*. Краткосрочная аренда земли, говоритъ авторъ упомянутой диссертаціи, не предоставляетъ фермеру больше правъ на арендуемый имъ участокъ, чѣмъ общинное владѣніе домохозяину на пашню, предоставленную въ его отдѣльное пользованіе. И, несмотря на то, въ Англіи, гдѣ владѣльцы сами не занимаются сельскимъ хозяйствомъ, а раздаютъ свои земли фермерамъ, сельское хозяйство

процвѣтаетъ какъ нигдѣ. Особаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что англійскіе фермеры не домогаются установленія долгосрочныхъ арендныхъ контрактовъ, а только требуютъ закона, который обязывалъ бы землевладѣльцевъ, при передачѣ ими фермы другому лицу, вознаграждать фермеровъ за всѣ сдѣланныя ими на ней улучшенія, которыя остаются въ пользу владѣльца или новаго содержателя. Изъ своего изслѣдованія, основаннаго на массѣ данныхъ, г. Постниковъ выводитъ, что общинное землевладѣніе утратило бы замѣчаемыя въ немъ теперь неудобства, еслибъ было, во-первыхъ, принято за правило, что передѣлы, какъ бы они часто ни производились, допускаются во всякомъ случаѣ не иначе, какъ черезъ однажды навсегда опредѣленные промежутки времени; другими словами, онъ требуетъ, чтобъ за каждымъ домохозяиномъ было обезпечено пользованіе своимъ участкомъ въ продолженіи однажды навсегда установленнаго періода времени, такъ что, если бы опредѣлены были передѣлы черезъ каждыя шесть лѣтъ, и передѣлъ, предстоявшій, положимъ въ 1878 году, не былъ произведенъ въ свое время, то слѣдующій затѣмъ могъ имѣть мѣсто не иначе, какъ въ 1884 году. При такомъ порядкѣ всякій домохозяинъ-общинникъ былъ бы, подобно фермеру или арендатору, обезпеченъ, что раньше извѣстнаго срока его не потревожатъ въ пользованіи отведеннымъ ему участкомъ, и онъ, вслѣдствіе того, могъ бы составить себѣ планъ своего хозяйства. Затѣмъ, во 2-хъ, необходимо, по мнѣнію г. Постникова, обезпечить каждому домохозяину вознагражденіе за всѣ сдѣланныя имъ въ своемъ надѣлѣ улучшенія, когда его участокъ при передѣлѣ переходитъ къ другому хозяину. При этомъ, г. Постниковъ указываетъ, на сколько приложеніе начала вознагражденія при общинномъ пользованіи землею проще и легче, чѣмъ примѣненіе его къ арендной системѣ. И это потому, что вознагражденіе фермера обнимаетъ собою всѣ виды земельныхъ улучшеній, тогда какъ вознагражденіе общинника обнимаетъ только часть улучшеній. Такъ, вознагражденіе общинника не имѣетъ мѣста во всѣхъ улучшеніяхъ, исполненныхъ цѣлою общиною, каковы: осушеніе, ирригація, регулированіе рѣкъ, сооруженіе плотинъ и т. п.; общинникъ не можетъ претендовать также на вознагражденіе за сдѣланныя имъ затраты на усадьбу, такъ какъ послѣдняя пребываетъ въ постоянномъ его пользованіи; далѣе, передѣлы не имѣютъ вліянія на затраты, дѣлаемыя членомъ общины на скотъ и земледѣльческія орудія. Исключивъ эти виды затратъ изъ общей массы улучшеній, въ остаткѣ получится лишь часть, находящаяся подъ вліяніемъ передѣловъ. По отношенію только къ этимъ улучшеніямъ владѣніе члена общины вполнѣ уподобляется временному владѣнію фермера: если затраты общинника могутъ пострадать отъ передѣловъ, то единственно затраты на эти улучшенія, а не на всѣ вообще, какъ при фермерствѣ. Безспорно, въ этой значительно съуженной сферѣ передѣлъ имѣетъ вліяніе совершенно аналогичное съ истеченіемъ срока аренднаго условія; и вездѣ, гдѣ не признается прав

на вознагражденіе за эти улучшенія, тамъ одинаково общинникъ и фермеръ будутъ воздерживаться отъ затратъ на нихъ въ послѣднее время своего владѣнія, стараясь объ извлеченіи изъ земли вложеннаго въ предшествующіе годы. Это упрощеніе начала вознагражденія общинника сравнительно съ арендаторомъ значительно облегчаетъ проведеніе его въ жизнь. Распространеніе среди нашихъ крестьянъ обычая вознагражденія члена общины за тѣ улучшенія, которыя не окупились до передѣла, принесло бы дѣйствительную пользу земледѣлію. Затрудненія, могущія возникнуть здѣсь, зависятъ не отъ природы общиннаго владѣнія, которому начало вознагражденія соотвѣтствуетъ въ той же степени, въ какой оно соотвѣтствуетъ и арендной системѣ, а отъ бѣдности крестьянскаго населенія и оттого, что проводить въ жизнь что-либо новое вообще не легко.

Слѣдующій существенный недостатокъ господствующей нынѣ въ Россіи формы общиннаго землевладѣнія состоитъ, какъ утверждаютъ, въ томъ, что при этой формѣ обладанія землею неизбѣжна такъ называемая *принудительная обработка*.

Подъ принудительной обработкой разумѣется зависимость отдѣльнаго земледѣльца отъ существующей въ данномъ поселкѣ системы хозяйства, принятой другими односельчанами или вообще смежными сосѣдними хозяевами. Двѣ причины обусловливаютъ принудительную обработку: первая заключается въ пастьбѣ скота на поляхъ, вторая—въ черезполосности, соединенной съ правомъ проѣзда или съ правомъ оборота плуга.

При существованіи обычая пастьбы на поляхъ, скотъ общины выгоняется на снятое поле, вслѣдствіе чего каждый хозяинъ вынужденъ занять свой участокъ такими растеніями, которыя успѣютъ созрѣть ко времени выгона скота на поле. Принудительная обработка вызывается также пастьбой скота всей деревни на паровомъ полѣ: ни одинъ членъ селенія не можетъ подвергнуть обработкѣ свой участокъ въ паровомъ полѣ, потому что общинный скотъ потравитъ засѣвъ.

Пастьба скота на поляхъ не связана необходимо не только съ общиннымъ землевладѣніемъ вообще, но не составляетъ неизбѣжнаго слѣдствія и господствующей нынѣ въ Россіи формы общиннаго землевладѣнія, важнѣйшая характерная черта которой—чрезполосные передѣлы. При условіи достаточнаго количества собственной или арендуемой земли, общины начинаютъ уже тамъ и сямъ отводить часть земли подъ постоянный выгонъ, куда крестьяне прогоняютъ свой скотъ по особо устроенному прогону, отдѣленному отъ полей широкими канавами. Нечего и говорить, что общинное землевладѣніе ни мало не препятствуетъ общинѣ уничтожить выгонъ совсѣмъ и перейти къ содержанію скота въ стойлахъ. Далѣе не слѣдуетъ упускать изъ виду, что пастьба на снятомъ полѣ деревенскаго скота имѣетъ мѣсто не только при общинномъ владѣніи, но также при частной собственности. Она встрѣчается весьма часто при участковомъ владѣніи землею во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ значительная часть крестьянъ

владѣетъ такими небольшими участками, которые не могутъ доставить достаточное количество сѣна для скота.

Другая причина, порождающая принудительную обработку, заключается, какъ мы уже сказали, въ черезполосности, соединенной съ правомъ проѣзда или съ правомъ оборота плуга. Принудительная обработка здѣсь обусловливается не черезполосностью вообще, а исключительно такою, когда владѣльцы черезполосныхъ участковъ не могутъ ни пройти, ни проѣхать къ своимъ полосамъ иначе, какъ по сосѣднимъ полосамъ, и далѣе, когда ихъ полосы не прилегаютъ къ дорогѣ, почему они вынуждены оборачивать свои земледѣльческія орудія на полосѣ сосѣда. Весьма понятно, что подобная черезполосица вызываетъ обязательную и однообразную для всѣхъ смежныхъ владѣльцевъ систему хозяйства, такъ какъ въ посѣвѣ и уборкѣ растеній они находятся въ полной зависимости другъ отъ друга.

Если пастьба скота на поляхъ представляетъ господствующее явленіе на нашихъ общинныхъ земляхъ, то нельзя того же сказать о той черезполосности, которая обусловливаетъ собой принудительную обработку. Изъ 2,748 деревень въ Ярославской губерніи только въ 216 нельзя попасть на свою полосу иначе, какъ чрезъ полосы сосѣдей. По мнѣнію уважаемаго изслѣдователя общиннаго землевладѣнія, г. Постникова, у котораго мы заимствовали приведенную только что цифру, принудительная обработка, но сколько ея возникновеніе зависитъ отъ черезполосности, есть явленіе при общинномъ землевладѣніи исключительное, появляющееся лишь въ томъ случаѣ, когда запахиваются головники, и существующее до тѣхъ поръ, пока оно не стѣсняетъ большинства и пока міръ не постановитъ провести головники вновь.

Черезполосность *вообще* есть неизбѣжный спутникъ частной земельной собственности, какъ результатъ наслѣдованія и отчужденія. Черезполосность, *ведущая къ принудительной обработкѣ*, проявляется на крестьянскихъ земляхъ при частной собственности въ меньшей степени, нежели при общинномъ владѣніи съ черезполосными передѣлами, лишь благодаря *періодически* совершающимся, при помощи правительства, разверстаніямъ земельныхъ угодій ради ихъ округленія. Община также можетъ уничтожить черезполосность, но для этого требуется согласіе большинства; европейская же практика Запада считаетъ достаточнымъ поводомъ къ вмѣшательству государства въ дѣло разверстанія угодій для уничтоженія черезполосности, когда этого потребуетъ даже незначительное меньшинство частныхъ собственниковъ, и самое бо́льшее—одна треть.

Изъ предъидущаго само собою слѣдуетъ, что принудительная обработка не устраняетъ возможности сельско-хозяйственнаго прогресса. Такая обработка, стѣсняя индивидуальную хозяйственную свободу каждаго общинника, не стѣсняетъ свободы цѣлой общины. Община, сохраняя принудительную обработку, можетъ переходить, какъ показываетъ и дѣйствительность, къ высшимъ, болѣе интензивнымъ хозяйственнымъ системамъ.

Но общинное землевладѣніе съ черезполосными передѣлами представляетъ въ этомъ отношеніи болѣе затрудненій сравнительно съ частною собственностью. И это потому, что каждое усовершенствованіе при общинномъ пользованіи землею зависитъ отъ рѣшенія большинства, тогда какъ при частномъ землевладѣніи, если уничтожены сервитутъ пастьбы скота на поляхъ сосѣдей и сервитутъ проѣзда и оборота орудій, каждый хозяинъ имѣетъ право загородить свои участки и тѣмъ избавиться отъ принудительной обработки. Правда, взаимная зависимость смежныхъ земледѣльцевъ и весьма разнообразныя хозяйственныя соображенія удерживаютъ нерѣдко собственниковъ отъ осуществленія такого своего права.

Столь же ясно, что существованіе принудительной обработки не имѣетъ своимъ *непремѣннымъ* слѣдствіемъ задержку сельско-хозяйственнаго прогресса, хотя бы и для одного земледѣльца. Если система хозяйства въ данной мѣстности соотвѣтствуетъ экономическимъ и разнымъ другимъ условіямъ, то, существуетъ или не существуетъ принудительная обработка, система хозяйства будетъ одна и та же. Вѣрнымъ показателемъ того, стѣсняетъ ли принудительная обработка въ данномъ районѣ индивидуальную свободу общинника въ выборѣ системы хозяйства, служитъ участковое хозяйство крестьянъ сосѣдей. Если на сосѣднихъ участковыхъ владѣніяхъ ведется такое же хозяйство, какъ на общинныхъ земляхъ съ принудительною обработкою, значитъ, послѣдняя не служитъ задержкою для сельско-хозяйственнаго прогресса. Господствующая система хозяйства въ Великороссіи, какъ на общинныхъ, такъ и на частныхъ земляхъ, есть система трехпольная. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сельское хозяйство ведется у насъ одинаково плохо вездѣ, на всякихъ земляхъ, общинныхъ и необщинныхъ. Хорошія хозяйства, крестьянскія и не крестьянскія — рѣдкія исключенія, и встрѣчаются они и на общинныхъ, и на не общинныхъ земляхъ. Уже одни эти обстоятельства свидѣтельствуютъ, что господствующая форма общиннаго землевладѣнія не играла до сихъ поръ сколько-нибудь существенной роли въ нашей сельско-хозяйственной отсталости.

Переходимъ къ другимъ возраженіямъ противъ современной формы общиннаго землевладѣнія, касающимся черезполосности. Указываютъ, что черезполость имѣетъ своимъ слѣдствіемъ: 1) такую узкость полосъ, при которой невозможно весьма полезное поперечное паханіе, 2) трату земли на межи, отдѣляющія полосы, 3) распложеніе сорныхъ травъ, вырастающихъ на межахъ.

На эти возраженія, прежде всего, замѣтимъ, что подобно тому, какъ черезполосность можетъ вести и не вести къ принудительной обработкѣ, точно также черезполосность можетъ быть соединена и не соединена съ указанными невыгодами.

Если община разбиваетъ передѣляемыя земли на столько клиновъ, сколько разнообразій представляетъ почва, и каждый домохозяинъ беретъ полосу въ каждомъ клину, при такомъ порядкѣ ширина полосъ зависитъ

отъ качествъ почвы, обусловливающихъ количество клиновъ, и отношенія числа членовъ общины къ владѣемой ею землѣ. При значительномъ количествѣ земли, принадлежащей общинѣ, полосы могутъ быть настолько широки, что на нихъ возможно поперечное паханіе. Съ увеличеніемъ населенія общины, полосы съуживаются, и когда невыгоды съуженія полосъ дѣлаются чувствительными, тогда начинаютъ вырабатываться другіе пріемы распредѣленія земли, что и замѣчается въ настоящее время въ нашемъ отечествѣ. Эти другіе пріемы распредѣленія земли, представляемые современной русской дѣйствительностью, состоятъ въ уменьшеніи числа клиновъ и въ обмѣнѣ между общинниками полосъ одного клина на полосы другаго. Съ возрастаніемъ населенія общинъ, необходимо должны развиваться интензивно и экстензивно пріемы для противудѣйствія съуженію полосъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, что, вслѣдствіе увеличенія населенія, наступитъ, наконецъ, такой моментъ, когда равное распредѣленіе земли между всѣми общинниками повело бы къ такой дробности участковъ, при которой невозможно сельское хозяйство. Землю нельзя дробить безпредѣльно. Тогда, при условіи сохраненія общиннаго землевладѣнія, община вынуждена будетъ перейти или къ общинной организаціи труда, или къ наслѣдственному участковому пользованію, или къ отмѣнѣ существующаго нынѣ права всѣхъ на землю и установленію максимальнаго числа членовъ общины, между которыми передѣляется земля. Во всѣхъ этихъ случаяхъ излишнія для земледѣлія рабочія силы должны будутъ обратиться къ другимъ промысламъ.

Что касается траты земли на межи и сорныхъ травъ, вырастающихъ на этихъ межахъ, то эти явленія также не составляютъ непремѣннаго слѣдствія общиннаго землевладѣнія. Безспорно, существуетъ много селеній, въ которыхъ принято отдѣлять полосу отъ полосы узенькимъ—около четверти ширины—межникомъ; но есть также цѣлыя волости, даже уѣзды, гдѣ такихъ междуполосныхъ межниковъ совсѣмъ не существуетъ, а полоса отъ полосы отдѣляется лишь бороздой, которую проѣзжаютъ нѣсколько глубже.

Покончивъ съ черезполосностью, разсмотримъ послѣднія возраженія противъ общиннаго владѣнія, касающіяся: 1) скученности крестьянъ въ большія поселенія, 2) затруднительности для общинниковъ кредита, 3) круговой поруки, 4) стѣсненія свободы передвиженія и выбора занятія.

Говорятъ: общинное землевладѣніе съ черезполосными передѣлами соединено со скученіемъ крестьянъ въ большія поселенія, отчего пропадаетъ много времени на проѣзды на поля, тогда какъ участковое землевладѣніе развиваетъ разселеніе хуторами.

Для иллюстраціи неудобствъ поселенія деревнями обыкновенно приводятъ уродливые примѣры селеній громаднѣйшихъ размѣровъ, гдѣ крестьянамъ приходится для обработки поля ѣздить за 5, 10 и 15 верстъ. Между тѣмъ, типъ деревень въ нашихъ западныхъ, центральныхъ и сѣверныхъ

губерніяхъ составляютъ именно селенія небольшія. Увеличеніе размѣровъ поселковъ по мѣрѣ приближенія на востокъ и югъ есть слѣдствіе не общиннаго владѣнія, а рѣдкости воды. Разселеніе деревнями зависитъ не отъ одного общиннаго землевладѣнія, а отъ многихъ причинъ экономическихъ и климатическихъ. Живя деревнями, крестьяне получаютъ возможность имѣть общій выгонъ, общее пастбище, общаго пастуха и табунщика; живя въ разбросъ, крестьянамъ пришлось бы каждому пасти свой скотъ и лошадей особо, или содержать ихъ круглый годъ на стойлѣ; но ни то, ни другое, при теперешнемъ хозяйствѣ и степени культуры, немыслимо. Прибавимъ къ этому наши зимнія вьюги, мятели и сугробы снѣга, заносящіе цѣлыя селенія, наши ростепели и половодья, прекращающія сообщеніе даже между близкими жильями весною и осенью. Жители разбросанныхъ дворовъ, залитые водой и засыпанные снѣгомъ, перегибли бы въ одиночку отъ голода и холода, а школы пришлось бы закрыть вовсе.

Но забудемъ на минуту всѣ климатическія условія, дѣлающія хуторный бытъ въ сѣверной и средней Россіи, по крайней мѣрѣ, при теперешней степени культуры, положительно невозможнымъ; спросимъ: желательно ли вообще, чтобъ наши села и деревни разселились отдѣльными хуторами? Въ экономическомъ, сельско-хозяйственномъ отношеніи, можетъ быть, и да, но въ общественномъ—едва ли. Мы въ одинъ голосъ твердимъ объ общительности великорусскаго крестьянина, живости его ума, его смѣтливости, находчивости, умѣньи жить съ людьми, о его расположеніи къ артельной жизни и работѣ, о значительности русскаго народа въ массѣ и, напротивъ, слабости, стертости, въ одиночку. Великорусскій простой народъ по преимуществу передъ всѣми другими племенами, вошедшими въ составъ Россіи, есть народъ общежительный, со всѣми достоинствами и недостатками, вытекающими изъ этой основной, преобладающей черты національнаго характера. Откуда эти общежительныя способности и инстинкты? Мы думаемъ, что они зарождаются, воспитываются и укрѣпляются въ сожительствѣ деревень и селъ, въ веденіи сообща сельскихъ и деревенскихъ дѣлъ, обусловленныхъ общиннымъ землевладѣніемъ и вытекающей изъ него круговой порукой. Какъ ни бѣдна и однообразна крестьянская общественная жизнь, но она закрѣпляетъ инстинкты и привычки общежительности, которые великорусскій крестьянинъ несетъ потомъ повсюду, куда ни заброситъ его судьба.

Далѣе указываютъ, что при общинномъ владѣніи недоступенъ для крестьянъ долгосрочный поземельный кредитъ, а возможенъ только краткосрочный подъ залогъ ожидаемаго урожая, а этотъ видъ кредита слишкомъ дорогъ и обременителенъ.

Здѣсь рѣчь идетъ, конечно, только объ отдѣльныхъ домохозяевахъ. Крестьянскія общества пользуются и теперь долгосрочнымъ поземельнымъ кредитомъ: это доказывается выкупнымъ положеніемъ и выкупными сдѣлками крестьянъ съ помѣщиками, при содѣйствіи правительства; чрезъ посредство

же общества такой кредитъ доступенъ и отдѣльнымъ домохозяевамъ, которыхъ ежегодные платежи соразмѣряются съ ихъ общинными надѣлами. Точно также и до освобожденія крестьянъ банковые долги нерѣдко переводились на крестьянскія общества, поступавшія въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, и мы, признаемся, не можемъ понять, почему бы точно также не могли пользоваться долгосрочнымъ кредитомъ всякія общества крестьянъ, собственниковъ своей земли, владѣющихъ ею на общинномъ правѣ. Слѣдовательно, рѣчь можетъ идти только о недоступности долгосрочнаго кредита для домохозяина, владѣющаго общиннымъ надѣломъ, помимо общества. Это совершенно справедливо: ни продать, ни заложить, ни подарить, ни завѣщать своего надѣла онъ не можетъ, потому что надѣлъ не принадлежитъ ему на правѣ собственности. Но, вѣдь, и арендаторъ подлежитъ такимъ же ограниченіямъ относительно арендуемой имъ земли, и наемщикъ дома, и взявшій вещь на сохраненіе; почему же именно общинному землевладѣнію это ставится въ укоръ, а не другимъ видамъ вещныхъ отношеній? Мы также не слыхали, чтобъ дѣло шло у насъ о предоставленіи благодѣяній долгосрочнаго кредита крестьянамъ, владѣющимъ землею на участковомъ правѣ; они, сколько извѣстно, тоже не пользуются кредитомъ, хотя и не владѣютъ землею на общинномъ правѣ. Когда возбудится у насъ общій вопросъ о долгосрочномъ кредитѣ для крестьянъ на занимаемыя ими земли, — а это очень желательно и, рано или поздно, должно будетъ стать на очередь,— будутъ, навѣрное, придуманы и комбинаціи о примѣненіи долгосрочнаго кредита къ общиннымъ надѣламъ.

Большинство думаетъ, что общинное землевладѣніе необходимо связано съ такой круговой порукой, благодаря которой трудолюбивый и бережливый крестьянинъ отвѣчаетъ за лѣниваго и расточительнаго, и, вслѣдствіе того, теряетъ всякую охоту трудиться, заниматься усердно своимъ хозяйствомъ, такъ какъ, въ концѣ-концовъ, при круговой порукѣ, ему же приходится платиться плодами своей заботливости за нерадиваго и безпечнаго.

Принудительная, не добровольная круговая порука давно уже вызываетъ большія и справедливыя жалобы. Съ перваго взгляда можетъ показаться, будто связь ея съ общиннымъ землевладѣніемъ есть только случайная, вызванная побочными обстоятельствами. Въ пользу такого взгляда можно привести, что обязательная круговая отвѣтственность по уплатѣ податей, налоговъ и повинностей, какъ мѣра фискальная, существуетъ и тамъ, гдѣ есть общинное владѣніе, и тамъ, гдѣ его нѣтъ. Такъ, подати отбываются крестьянами съ круговою отвѣтственностью другъ за друга безъ различія, находится ли у нихъ земля въ общинномъ, или въ участковомъ пользованіи. Даже въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ подушная подать взималась, до 1863 года, съ круговою отвѣтственностью лицъ податнаго званія, приписанныхъ къ городу, посаду или мѣстечку. Изъ этого бы слѣдовало, что обязательную круговую поруку никакъ не должно ставить въ зависимость отъ общиннаго владѣнія и производить изъ него. Несмотря на то, мы думаемъ,

что общинное землевладѣніе, въ самомъ принципѣ, несетъ обязательную круговую отвѣтственность, какъ свое необходимое послѣдствіе. Примѣры, приводимые противъ этого изъ нашего законодательства, въ этомъ случаѣ ничего не доказываютъ и легко могутъ быть обращены въ пользу нашего заключенія. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, когда круговая порука по фискальному управленію господствовала въ городахъ, посадахъ, селахъ и деревняхъ Московскаго государства, податные классы не имѣли личной поземельной собственности; они сидѣли на царской, государевой землѣ, которая не могла быть ни въ какомъ случаѣ обращена на пополненіе казенной недоимки. Готовая, выработанная форма обязательной круговой поруки была позднѣе введена и тамъ, гдѣ виды землевладѣнія были другіе, чѣмъ въ Московскомъ государствѣ, и удержалась въ городахъ до 1863 года, несмотря на коренныя преобразованія ихъ внутренняго быта. Такимъ образомъ, оказывается, что примѣненіе круговой поруки къ участковому владѣнію объясняется историческими обстоятельствами, а не самымъ существомъ дѣла. Надѣлъ, отведенный домохозяину лишь въ пользованіе, не можетъ быть проданъ на удовлетвореніе падающихъ на него недоимокъ и взысканій, когда право собственности на этотъ надѣлъ принадлежитъ не ему, а всѣмъ домохозяевамъ общества въ совокупности. Если всѣ домохозяева вмѣстѣ собственники земли, то они всѣ вмѣстѣ и отвѣчаютъ за недоимки и взысканія съ каждаго изъ нихъ по началу обязательной круговой поруки. Слѣдовательно, необходимо признать, что обязательная круговая порука и общинное землевладѣніе тѣсно между собою связаны; послѣднее непремѣнно предполагаетъ второе. Но, признавая это, мы считаемъ необходимымъ, для совершеннаго разъясненія вопроса, обратить вниманіе на другую сторону дѣла, которая, при всѣхъ разсужденіяхъ объ общинномъ владѣніи, остается почему-то въ тѣни и благоразумно забывается его противниками. Круговая порука, говорятъ, есть великое зло, великая несправедливость и бремя для рачительныхъ хозяевъ, которое они несутъ въ пользу нерадивыхъ и лѣнтяевъ. Но почему, спрашивается, это бремя такъ тяжко, такъ разорительно и невыносимо? Положимъ, открылось наслѣдство, на которомъ есть долги. Каждый изъ наслѣдниковъ разсчитываетъ, выгодно ли ему принять его, или нѣтъ; если долги не превышаютъ стоимости наслѣдства, наслѣдникамъ можетъ быть выгодно оставить его за собой; если же долговъ больше, то они отъ него, въ большинствѣ случаевъ, откажутся. Примѣнимъ это къ крестьянскому общинному надѣлу. Если извлекаемый изъ него доходъ можетъ покрыть, хотя бы съ небольшимъ избыткомъ, лежащіе на немъ подати и сборы, то каждый домохозяинъ будетъ дорожить такимъ надѣломъ, и, окажись временный его обладатель несостоятельнымъ, явится много охотниковъ взять его на себя. При такихъ условіяхъ, обязательная круговая порука будетъ лишь юридическимъ принципомъ, который рѣдко, почти никогда, не будетъ примѣняться на дѣлѣ, развѣ въ случаѣ какихъ-нибудь

особенныхъ общественныхъ бѣдствій, когда, впрочемъ, обыкновенный ходъ фискальнаго управленія и безъ того на время прерывается. Напротивъ, если подати, налоги, взысканія, ежегодно падающія на крестьянскій надѣлъ, не только не покрываются ежегоднымъ съ него доходомъ, но даже, какъ у насъ бываетъ, превышаютъ самую капитальную стоимость надѣла, то онъ является уже не имуществомъ, а лишь поводомъ къ налогу, падающему прямо на лицо, на его личный трудъ и заработки. На оставленіе такого надѣла за собою, взамѣнъ неисправнаго владѣльца, разумѣется, не найдется охотниковъ, точно также, какъ и продажа его съ публичнаго торга не обезпечитъ казенныхъ взысканій и недоимокъ. И вотъ они падаютъ всею своею тяжестью на общество домохозяевъ и составляютъ для нихъ дѣйствительно чувствительное бремя. Но кто же, спрашивается, въ этомъ случаѣ виноватъ: начало ли круговой обязательной поруки, или несоразмѣрность налоговъ съ доходностью надѣла? Общинное ли землевладѣніе, или податная система?

Кромѣ того, есть много и другихъ причинъ, почему замѣна обязательной круговой поруки поземельною отвѣтственностью, еслибъ она и была юридически возможна, оказалась бы на дѣлѣ крайне затруднительной и для казны мало полезной. Большое число бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ находится на выкупѣ съ пособіемъ отъ правительства, и ихъ земли состоятъ у казны какъ бы въ залогѣ. Продавать эти земли въ возмѣщеніе недоимокъ, при высокихъ податяхъ и налогахъ, какіе у насъ лежатъ на крестьянахъ, было бы операціей для казны крайне невыгодной. Казнѣ приходилось бы часто, въ одно и то же время, и продавать надѣлы за цѣну меньшую, чѣмъ сумма взысканія, и выплачивать изъ доходовъ казны проценты по ссудамъ на выкупъ этихъ надѣловъ, уже безъ всякой надежды возмѣщать эти проценты изъ крестьянскихъ платежей. Замѣнить круговую поруку обезпеченіемъ надѣла можно было бы только въ крестьянскихъ обществахъ, владѣющихъ на общинномъ правѣ собственною землею, окончательно выкупленною или неподлежащею выкупу. Они составляютъ болѣе половины всего сельскаго населенія имперіи. Но гдѣ подати и налоги не поглощаютъ всего чистаго дохода съ надѣла, тамъ подобная замѣна не имѣла бы никакой практической важности; гдѣ же они равны чистому доходу или превышаютъ его, а тѣмъ болѣе, гдѣ надѣлъ не имѣетъ никакой стоимости и весь окладъ падаетъ на личный трудъ и промыселъ, тамъ обращеніе взысканія на надѣлъ несостоятельнаго было бы безспорно полезно для прочихъ домохозяевъ того же общества, но казна мало бы черезъ это выиграла. Притомъ, подобная мѣра имѣла бы еще и другое, гораздо бо̀льшее неудобство. Продать крестьянскій надѣлъ за недоимки, конечно, очень легко, но едва ли въ интересахъ государства размножать бездомниковъ, скитающихся по лицу Россіи съ семьями и дѣтьми, не имѣя ни пристанища, ни куска хлѣба. Этимъ достаточно объясняется, почему правительство, впредь до болѣе благопріятныхъ условій народнаго

труда и поднятія уровня благосостоянія крестьянства, не рѣшается на мѣру, съ виду простую и легкую, но которая, устраняя одно зло, повлекла бы за собою другое, несравненно болѣе вредное и опасное. Нельзя смотрѣть на вещи такъ въ упоръ, какъ мы дѣлаемъ, не вникая въ ихъ причины, которыя всегда скрыты глубоко за поверхностью, не изслѣдуя явленій въ ихъ совокупности и взаимной связи. Изолированныхъ фактовъ нѣтъ въ мірѣ; все между собою вяжется и потому все производится множествомъ причинъ. Вынужденная отвѣтственность одного за другаго по податямъ и повинностямъ есть, безъ сомнѣнія, зло. Но отчего происходитъ, что такъ часто приходится одному крестьянину платиться за другаго? — вотъ что надо изслѣдовать. Будь такіе случаи рѣдки, на обязательную круговую поруку никто бы не жаловался и пособить злу было бы легко разными палліативными мѣрами. Бѣда въ томъ, что послѣдствія невольной круговой поруки обратились у насъ въ хроническую болѣзнь, падающую бременемъ на зажиточныхъ, трудолюбивыхъ и старательныхъ хозяевъ. Развились же они такъ и приняли такіе размѣры оттого, что поборы, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не соразмѣрны съ доходностью крестьянскихъ надѣловъ.

Изъ сказаннаго видно, что круговая порука, дѣйствительно, находится въ тѣсной, неразрывной юридической связи съ общиннымъ землевладѣніемъ; но, во-первыхъ, не она сама по себѣ такъ обременительна и несправедлива; виною тому — тяжесть налоговъ и платежей, падающихъ на крестьянство; а, во-вторыхъ, отмѣна общиннаго владѣнія и съ нимъ круговой поруки, не устраняя зла, при удержаніи теперешняго размѣра налоговъ, породила бы для казны, общества и государства еще бо́льшее зло, еще бо́льшія опасности въ настоящемъ и будущемъ, чѣмъ несправедливость и обременительность круговой поруки при ея теперешнихъ условіяхъ.

Наконецъ, въ вину общинному владѣнію ставятъ также, будто оно мѣшаетъ свободному передвиженію крестьянъ. Всѣ знаютъ, что фискальныя и полицейскія условія, которыми обставлена наша деревенская община, что разныя положенія гражданскаго и уголовнаго права, гражданскаго и уголовнаго судопроизводства затрудняютъ свободное передвиженіе сельскаго населенія, но общинное землевладѣніе здѣсь рѣшительно не причемъ.

Выяснивъ условія, при которыхъ господствующая нынѣ въ Россіи форма общиннаго владѣнія оказывается неблагопріятною для производительности сельскаго хозяйства, укажемъ теперь выгодныя стороны общиннаго землевладѣнія.

Важнѣйшая полезная сторона общиннаго землевладѣнія, обильная многими благопріятными для общественной жизни послѣдствіями, состоитъ въ томъ, что такая форма землевладѣнія не допускаетъ концентраціи земельной собственности. Личная земельная собственность стала въ Западной Европѣ единственною, исключительною и, притомъ, мобилизованною формою поземельныхъ отношеній лишь въ новѣйшее время, и, однако, опытъ уже

успѣлъ показать, что начало личной земельной собственности дѣйствуетъ на мелкое землевладѣніе разрушительнымъ образомъ. Право личной собственности обращаетъ землю въ предметъ купли и продажи, въ товаръ, который, подъ вліяніемъ неравной конкурренціи между богатыми и бѣдными, мало-по-малу переходитъ въ руки первыхъ, сосредоточивается въ нихъ и, рано или поздно, отдаетъ въ ихъ власть обезземеленныя и обездоленныя массы, которыя, вслѣдствіе того, обращаются въ батраковъ и пролетаріевъ. Въ странахъ съ высшей культурой значительная часть населенія притягивается фабричною и торговою дѣятельностью; этимъ отчасти парализуются, отчасти скрадываются отъ глазъ вредныя послѣдствія обезземеленія; но тамъ, какъ у насъ, гдѣ промышленность и торговля мало развиты и требуютъ не много рукъ, гдѣ большинство населенія кормится отъ земли, тамъ разстройство мелкаго поземельнаго владѣнія гибельно отзывается на благосостояніи и бытѣ народныхъ массъ.

При общинной собственности домохозяинъ не можетъ отчуждать свою часть въ общинной землѣ, слѣдовательно, имѣетъ гораздо менѣе поводовъ и соблазна оставаться безземельнымъ и безпріютнымъ батракомъ и пролетаріемъ. Общинное землевладѣніе, въ этомъ смыслѣ, есть, для массы сельскаго населенія, страховое учрежденіе отъ безземелья и бездомности, особенный видъ примѣненія къ ней законовъ противъ мотовства, безпутства и расточительности.

Общинная собственность представляетъ твердый оплотъ противъ разнузданной, не знающей границъ экономической борьбы частныхъ интересовъ, спекуляціи и наживы, въ примѣненіи къ сельской народной массѣ. Безъ ограниченія, какое представляетъ въ этомъ отношеніи общинное владѣніе, экономическая борьба, въ силу своей природы, своихъ основныхъ свойствъ, своего разъѣдающаго и завоевательнаго характера, постепенно подкапывается подъ мелкую поземельную собственность, обезземеливаетъ ея владѣльцевъ и сосредоточиваетъ землю въ рукахъ болѣе крупныхъ капиталистовъ и собственниковъ, въ ущербъ интересамъ низшаго сельскаго населенія.

Общинное владѣніе обезпечиваетъ за низшимъ сельскимъ населеніемъ прочную осѣдлость, пріютъ и кусокъ хлѣба въ старости и дряхлости, даетъ возможность вырасти и окрѣпнуть подрастающимъ сельскимъ поколѣніямъ, не подвергаясь всѣмъ невыгодамъ, случайностямъ и опасностямъ бродячей жизни между чужими людьми, по распутьямъ и городамъ.

Вотъ благодѣянія, вносимыя общиннымъ землевладѣніемъ въ жизнь крестьянскихъ сельскихъ массъ. Они такъ существенны и важны, послѣдствія, вытекающія изъ общиннаго владѣнія для цѣлаго строя народной жизни, такъ многозначительны и плодотворны, что нельзя разсматривать этотъ видъ поземельныхъ отношеній лишь съ точки зрѣнія производительности труда. Государственный интересъ не ограничивается однимъ производствомъ страны. Если мы не хотимъ, рано или поздно, видѣть у себя

массы пролетаріевъ, мы не должны расшатывать народнаго обычая, который носитъ въ себѣ всѣ зачатки правильной экономической и поземельной организаціи. Особенно теперь, больше чѣмъ когда-нибудь, мы должны обратить вниманіе на общинное землевладѣніе и позаботиться о сохраненіи его. Наше великорусское крестьянство вступило, въ настоящее время, въ тотъ періодъ своего развитія, черезъ который неизбѣжно проходятъ всѣ народы,—въ періодъ разложенія непосредственныхъ, природныхъ, семейныхъ и родовыхъ союзовъ на ихъ составныя единицы. Прежнія большія крестьянскія семьи дробятся безконечно, во всѣхъ концахъ Россіи; отовсюду слышно, что раздѣлы семействъ изъ года въ годъ усиливаются. Начало индивидуальности предъявляетъ свои права весьма замѣтно. Въ такую минуту особенно важно, чтобъ это начало не разнесло и не разрушило того, что составляетъ прочное основаніе благосостоянія, осѣдлости и обезпеченности многочисленнаго сельскаго населенія. Періодъ развитія, который оно теперь переживаетъ, очень многозначителенъ, и если мы пойдемъ по пути индивидуализаціи поземельной собственности, то попадемъ безвозвратно на тотъ опасный путь, благодаря которому казнится теперь Европа и съ котораго трудно будетъ сойти безъ глубокихъ соціальныхъ потрясеній. Поэтому-то мы и должны не упразднять, а, напротивъ, бережно охранять общинное владѣніе и пронести его неприкосновеннымъ до того времени, когда бо́льшая степень культуры, лучшее пониманіе частныхъ и общественныхъ интересовъ сдѣлаютъ огражденіе его ненужнымъ. Возведенное въ общественное учрежденіе, укрѣпленное закономъ, выработанное и опредѣленное юридически, освобожденное отъ постороннихъ наплывовъ и примѣсей, оно дастъ намъ возможность спокойно и благополучно пережить трудный въ жизни каждаго народа періодъ индивидуализаціи.

Положеніе 19 февраля открываетъ нѣсколько путей для раздробленія общинной земли между домохозяевами въ частную, личную собственность, и ни одного для обращенія мелкой крестьянской поземельной собственности въ общинную. Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, даже въ селеніяхъ не великорусскихъ, сама необходимость часто наталкиваетъ на такого рода превращеніе земли изъ частной собственности, раздробленной на мелкіе куски, въ общинную. Положеніемъ допущенъ выкупъ усадебъ въ личную собственность, безъ пашенъ и другихъ угодій; допущенъ выкупъ цѣлаго надѣла, съ вымежеваніемъ его изъ общинной земли, допущенъ раздѣлъ общинной земли между всѣми домохозяевами; вся выкупная операція, съ пособіемъ отъ правительства, разсчитана на послѣдующее обращеніе общинной земли въ подворную личную собственность; въ земляхъ, отведенныхъ въ надѣлъ государственнымъ крестьянамъ, каждому домохозяину предоставлено право продать свой надѣлъ односельцу или постороннему лицу на правахъ собственности.

Можно, не нарушая ничьихъ правъ и никакихъ народныхъ привычекъ, прекратить, на будущее время, раздробленіе общинной земли въ личную соб-

ственность крестьянъ и выкупъ надѣловъ отдѣльными домохозяевами, съ выдѣленіемъ ихъ изъ общинной земли, и отмѣнить право бывшихъ государственныхъ крестьянъ продавать свои надѣлы, безвозмездно полученные изъ казенныхъ земель. Вмѣсто того, должно постановить правиломъ, что неотчужденная еще общинная земля, приписанная къ селеніямъ, составляетъ неотчуждаемую и незакладываемую вѣчную собственность селеній, и предоставить послѣднимъ право пріобрѣтать вновь землю на имя сельскаго общества. Такими мѣрами будетъ, по крайней мѣрѣ, остановлено дальнѣйшее распаденіе крестьянскихъ земель и положенъ конецъ начавшемуся уже переходу ихъ въ руки скупщиковъ.

Гораздо труднѣе провести новое поземельное устройство въ тѣхъ селеніяхъ и цѣлыхъ областяхъ Россіи, гдѣ начало личной поземельной собственности уже успѣло вполнѣ вытѣснить общинное владѣніе и изгладить всѣ его слѣды въ нравахъ и привычкахъ сельскаго населенія. Здѣсь это можно не иначе, какъ постепенной, въ теченіе долгаго времени, скупкой земель, принадлежащихъ членамъ сельскихъ обществъ на правахъ собственности, и обращеніемъ ихъ въ общественныя по добровольнымъ съ обществами сдѣлкамъ. Такія сдѣлки, при бѣдности крестьянъ, могутъ сдѣлаться весьма для нихъ желательными, если они увидятъ и убѣдятся на дѣлѣ, что проданныя ими обществу земли въ дѣйствительности остаются въ ихъ безсрочномъ наслѣдственномъ владѣніи и пользованіи. При такомъ условіи вся сдѣлка представится имъ лишь отказомъ отъ права продавать и закладывать свои земли за щедрое вознагражденіе, равняющееся стоимости всей земли. Такія сдѣлки и на самомъ дѣлѣ будутъ для большинства крестьянъ лишь измѣненіемъ юридическаго титула, на которомъ они владѣютъ: продать землю за полную цѣну, съ оставленіемъ за собою и дѣтьми навсегда, слишкомъ выгодно, чтобъ многіе не захотѣли воспользоваться подобною сдѣлкой. Наконецъ, въ составъ неотчуждаемыхъ общественныхъ земель должны быть также включены всѣ выморочныя земли членовъ сельскихъ обществъ, которыя теперь по закону поступаютъ въ собственность обществъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу большинство земель, принадлежащихъ членамъ обществъ на правахъ собственности, перешли бы въ собственность обществъ, послѣ чего къ немногимъ землямъ, остающимся еще въ частномъ правѣ, могли бы уже быть примѣнены правила обязательнаго выкупа.

Только такимъ устройствомъ землевладѣнія будетъ обезпеченъ и упроченъ бытъ земледѣльческаго населенія и разрѣшится вопросъ о сельскомъ пролетаріатѣ, озабочивающій теперь правительства, владѣющіе классы и мыслящихъ людей въ цѣломъ мірѣ. Если же мы допустимъ обращеніе общинной земли въ личную собственность крестьянъ, тогда внутри обществъ неизбѣжно начнется обезземеленіе бѣднѣйшихъ и скопленіе участковъ въ рукахъ наиболѣе вліятельнаго, зажиточнаго и предпріимчиваго меньшинства, какъ это замѣчалось всюду со введеніемъ личной поземельной собственности

и начинается, къ несчастію, уже и у насъ. Существенный смыслъ освобожденія крестьянъ съ землею, единственно въ видахъ обезпеченія осѣдлости народныхъ массъ, былъ бы въ такомъ случаѣ потерянъ, и надѣлы изъ помѣщичьихъ владѣній послужили бы только къ переведенію земель изъ однѣхъ рукъ въ другія, безъ всякой пользы для земледѣльческаго населенія.

Все предъидущее изложеніе необходимо ставитъ намъ слѣдующій важный вопросъ: политика охраненія общиннаго землевладѣнія не находится ли въ противорѣчіи съ успѣхами земледѣлія? Иными словами, не существуетъ ли такая дилемма: или обезпеченіе народа отъ обезземеленія, но съ пожертвованіемъ прогресса сельскаго хозяйства, или извлеченіе изъ земли возможно бо́льшаго дохода при помощи улучшенной культуры, но со введеніемъ между крестьянами личной земельной собственности и отмѣной общиннаго землевладѣнія, а, слѣдовательно, прочной и надежной гарантіи противъ обезземеленія?

Изъ изложенныхъ выше невыгодъ господствующей нынѣ въ Великороссіи формы общиннаго владѣнія мы видимъ, что важнѣйшіе ея недостатки заключаются въ передѣлахъ. безъ вознагражденія за сдѣланныя общинникомъ земельныя затраты, въ принудительной обработкѣ и въ такой узкости полосъ, которая мѣшаетъ полезному поперечному паханію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы уже знаемъ, что эти недостатки далеко не имѣютъ мѣста во всѣхъ общинахъ. Такъ, передѣлъ безъ вознагражденія отражается неблагопріятно на сельскомъ хозяйствѣ лишь тамъ, гдѣ землю унавоживаютъ и гдѣ, въ то же время, разница унавоживанія земли отдѣльными домохозяевами слишкомъ значительна. Принудительная обработка стѣсняетъ индивидуальный починъ отдѣльныхъ домохозяевъ лишь тамъ, гдѣ, по условіямъ рынка, выгоденъ переходъ къ отличной отъ принятой общиною системѣ хозяйства. Узкость полосъ, мѣшающая поперечному паханію, есть наиболѣе общій недостатокъ, къ устраненію котораго крестьяне начинаютъ принимать уже мѣры. Всѣ эти невыгоды современной формы общиннаго владѣнія, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не играютъ еще сколько-нибудь существенной роли въ жалкомъ положеніи крестьянскаго сельскаго хозяйства, очевиднымъ свидѣтельствомъ чему служитъ тотъ фактъ, что сельское хозяйство ведется у насъ плохо вездѣ, на всякихъ земляхъ, общинныхъ и не общинныхъ. Жалкое положеніе крестьянскаго хозяйства обусловливается другими причинами, которыя достаточно выяснены нашей литературой. Тяжесть налоговъ, неорганизація кредита для крестьянъ, малоземелье и связанныя съ нимъ высокія арендныя цѣны за землю въ густо населенныхъ губерніяхъ, черезполосность крестьянскихъ земель съ частно-владѣльческими другихъ классовъ,—вотъ главнѣйшія причины плохаго состоянія крестьянскаго сельскаго хозяйства.

Но если, въ настоящее время, всѣ указанные недостатки господствующей формы общиннаго владѣнія не играютъ существенной роли въ весьма неудовлетворительномъ состояніи крестьянскаго земледѣлія, то несомнѣнно,

что, съ возрастаніемъ интензивности сельскаго хозяйства и народонаселенія, они явятся сильнымъ тормазомъ земледѣльческому прогрессу. Не наступитъ ли тогда необходимость отмѣнить общинное землевладѣніе? Нѣтъ, никакой необходимости въ этомъ не будетъ. Мы сейчасъ покажемъ, что общинное землевладѣніе и прогрессъ сельско-хозяйственной культуры не исключаютъ другъ друга.

Мы знаемъ, что общинное землевладѣніе не представляетъ собой что-либо единое, что оно, приспособляясь къ измѣняющимся условіямъ жизни, принимало, принимаетъ и можетъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, принимать различныя формы. Выше были указаны совершающіяся нынѣ приспособленія общиннаго землевладѣнія къ новымъ сельско-хезяйственнымъ требованіямъ, заключающіяся въ удлиненіи сроковъ передѣловъ, въ проведеніи дорогъ къ полосамъ, съ цѣлью устраненія сервитутовъ проѣзда по полямъ и оборота плуга на сосѣдней полосѣ, въ сокращеніи числа клиновъ и полосъ ради уменьшенія черезполосности и увеличенія ширины полосъ. Нѣтъ достаточнаго основанія полагать, что общинное землевладѣніе остановится на этихъ видахъ измѣненій, что оно вдругъ потеряетъ способность приспособляться къ измѣняющимся условіямъ жизни. Утверждать это тѣмъ болѣе неправильно въ виду того широкаго простора къ измѣненіямъ, какой открывается господствующей нынѣ въ Россіи формѣ общиннаго владѣнія. Такъ, при сохраненіи черезполоснаго передѣла, между крестьянами можетъ развиться практика: вознагражденія отдѣльныхъ домохозяевъ за невырученныя ими ко времени передѣла затраты на землю, уничтоженія выпаса скота на поляхъ, проведенія дорогъ къ полосамъ, принятія мѣръ, противудѣйствующихъ вредному дробленію полосъ, замѣны межниковъ бороздами. При такомъ состояніи общиннаго владѣнія устраняются всѣ его невыгодныя хозяйственныя стороны сравнительно съ мелкимъ земледѣльческимъ производствомъ на почвѣ частной собственности. Далѣе, можетъ быть уничтоженъ самый черезполосный передѣлъ: каждый домохозяинъ будетъ получать во временное пользованіе одинъ участокъ, причемъ качество земли станетъ компенсироваться количествомъ. Можетъ быть уничтоженъ и всякій періодическій передѣлъ: каждый домохозяинъ получитъ въ *безсрочное наслѣдственное пользованіе* округленный участокъ, какъ это имѣетъ теперь мѣсто по отношенію къ усадебной землѣ. Наконецъ, возможна общинная организація труда, соединяющая всѣ выгоды мелкой и крупной частной собственности, устраняя, въ то же время, ихъ недостатки. Разумѣется, нельзя разсчитывать, чтобы послѣдняя организація общиннаго владѣнія достигла скоро господствующаго значенія; для этого нужна совсѣмъ другая степень культуры народныхъ массъ, чѣмъ какая у насъ, совсѣмъ иныя понятія и привычки, чѣмъ наши; а никакой перемѣны, ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи, нельзя ожидать скоро. Но что, при добромъ желаніи, можно и при настоящихъ условіяхъ способствовать постепенному развитію такой формы общиннаго владѣнія, объ этомъ

свидѣтельствуетъ указанный нами выше примѣръ общественныхъ запашекъ въ Пензенской губерніи.

Но допустимъ, что народная масса, владѣющая землею на общинномъ началѣ, окажется несостоятельною въ дѣлѣ приспособленія общиннаго владѣнія къ измѣняющимся условіямъ жизни, что, послѣ повсемѣстныхъ и самыхъ тщательныхъ изслѣдованій, обнаружится существенный вредъ господствующей формы общиннаго владѣнія для сельско-хозяйственной производительности страны, для возрастанія національнаго богатства. И въ такомъ случаѣ для государства не является необходимости отмѣнить общинное землевладѣніе; не является такой необходимости потому, что существуетъ форма общиннаго землевладѣнія, принудительный переходъ къ которой не представляетъ большихъ трудностей сравнительно съ принудительнымъ разверстаніемъ общинныхъ земель въ частную собственность и, въ то же время, эта форма владѣнія, соединяя въ себѣ всѣ выгоды мелкой частной собственности, устраняетъ ея недостатки. Такую форму общиннаго владѣнія представляетъ *безсрочное* наслѣдственное участковое пользованіе.

Если общинное владѣніе съ черезполоснымъ передѣломъ является, при извѣстныхъ уже намъ условіяхъ, менѣе выгодною, съ точки зрѣнія производительности труда, формою хозяйственнаго предпріятія сравнительно съ мелкимъ земледѣльческимъ производствомъ на почвѣ частной собственности, то общинное владѣніе съ безсрочнымъ наслѣдственнымъ участковымъ пользованіемъ имѣетъ преимущества предъ мелкой частной собственностью какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ соціальномъ отношеніяхъ. Въ экономическомъ отношеніи, оно доставляетъ владѣтелю участка такой же просторъ индивидуальному почину, какъ и частная собственность, и, въ то же время, устраняетъ ту черезполосность и дробность земли, какія свойственны, вслѣдствіе отчужденій, мелкой земельной собственности; въ соціальномъ отношеніи, оно не допускаетъ обезземеленія народа, которое имѣетъ мѣсто лишь на почвѣ частной собственности.

При общинномъ землевладѣніи съ безсрочнымъ наслѣдственнымъ участковымъ пользованіемъ, земли сельскихъ обществъ составляютъ неприкосновенную и неотчуждаемую ихъ собственность, члены же обществъ имѣютъ лишь право безсрочнаго пользованія этой землей.

Признаніемъ сельскихъ обществъ собственниками земель, безъ права ихъ отчуждать и закладывать, создается крестьянская земля, изъятая изъ обращенія, не подлежащая куплѣ и продажѣ, чѣмъ устраняются всѣ опасности обезземеленія крестьянъ чрезъ скупку ихъ надѣловъ немногими лицами.

Признаніемъ за каждымъ домохозяиномъ права безсрочнаго наслѣдственнаго пользованія отведеннымъ ему въ одномъ мѣстѣ участкомъ устраняются періодическіе передѣлы и черезполосность.

Изъ общиннаго владѣнія съ безсрочнымъ наслѣдственнымъ участковымъ пользованіемъ логически вытекаютъ слѣдующіе порядки землевладѣнія.

Такъ какъ единственное назначеніе общинной земли—служить для раздачи земледѣльцамъ въ безсрочное наслѣдственное пользованіе, то обращеніе крестьянскихъ надѣловъ въ выгодныя оброчныя или доходныя статьи, отдаваемыя въ содержаніе, должно быть запрещено закономъ. Выморочные и брошенные владѣльцами участки возвращаются въ распоряженіе общества. Никто не имѣетъ права держать безсрочно и наслѣдственно болѣе одного надѣла не только въ одномъ обществѣ, но хотя бы и въ разныхъ обществахъ. Два или болѣе надѣла могутъ быть отданы одному владѣльцу лишь на время, впредь до предъявленія на нихъ правъ другими, неимѣющими своего надѣла. Отступленіе отъ этого правила можетъ быть допущено въ пользу многочисленныхъ семействъ. Какъ принадлежащая на правахъ собственности обществу, а не поселеннымъ на ней крестьянамъ, общественная земля не можетъ быть обращаема въ продажу на пополненіе казенныхъ и частныхъ взысканій: они падаютъ на строеніе и движимое имущество должника и, вообще, на его личную собственность. При выходѣ изъ общества, владѣлецъ можетъ сдать свой надѣлъ постороннему лицу не иначе, какъ съ согласія общества. Во всякомъ случаѣ, владѣльцу надѣла, выходящему изъ общества, принадлежитъ право собственности, кромѣ движимаго имущества, на строенія, возведенныя имъ или его предшественниками на его надѣлѣ; эти строенія онъ можетъ продать (но безъ права на землю) или свезти. Самый же надѣлъ переходитъ отъ него къ обществу или другому владѣльцу безвозмездно. Уменьшеніе или увеличеніе *того или другаго* надѣла, измѣненіе его очертаній, переверстка и обмѣнъ его частей допускаются не иначе, какъ съ согласія самого владѣльца и общества. Но такъ какъ наслѣдственное участковое пользованіе общинною землею лишь *безсрочное*, а не *вѣчное*, то безъ согласія владѣльцевъ допускается, по рѣшенію установленнаго закономъ большинства членовъ общества, въ видѣ общихъ мѣръ, обязательныхъ для всѣхъ владѣльцевъ въ обществѣ: передѣлъ *всѣхъ* земель, новое распредѣленіе участковъ, увеличеніе или уменьшеніе ихъ размѣра, введеніе новой системы хозяйства и т. п. При новомъ распорядкѣ земель по большинству голосовъ домохозяевъ, каждый изъ нихъ имѣетъ право получить отъ общины вознагражденіе за невырученныя имъ затраты на землю, если вновь отведенный ему участокъ будетъ меньшаго количества или худшаго качества.

Такая форма общиннаго землевладѣнія обезпечиваетъ громадную массу населенія отъ обезземеленія и, въ то же время, является безусловно столь же удобной и благопріятной для развитія земледѣлія, какъ и округленная мелкая частная собственность.

Но съ вѣковыми народными обычаями надо обращаться очень осторожно, особенно въ такомъ сложномъ и щекотливомъ дѣлѣ, какъ сельское хозяйство и поземельныя отношенія. А потому вопросъ о принудительномъ переходѣ господствующей нынѣ формы общиннаго владѣнія въ без-

срочное наслѣдственное участковое пользованіе можетъ быть поставленъ не раньше, какъ когда будетъ съ очевидностью выяснено, что дѣйствующая форма общиннаго владѣнія потеряла значеніе важнаго тормаза прогрессу земледѣлія и происходящія въ ней приспособленія къ новымъ условіямъ жизни совершаются слишкомъ медленно.

Исторія сохранила у насъ, къ счастью, общинное землевладѣніе до той минуты, когда Россія изъ полупатріархальнаго быта переходитъ въ бытъ гражданскій, промышленный и коммерческій. Надо дорожить, какъ зѣницею ока, этимъ неразвитымъ еще, но драгоцѣннѣйшимъ залогомъ правильной соціальной организаціи. Надо относиться къ нему съ крайней осторожностью и не спѣшить преобразовывать, пока не будутъ тщательно и повсемѣстно изучены всѣ его стороны.

Въ настоящее же время, чтобы не стѣснять свободнаго движенія народной жизни, чтобы открыть просторъ индивидуальному почину, достаточно замѣнить статью положенія 19 февраля, допускающую раздѣлъ, при большинствѣ $^2/_3$ голосовъ, общинной земли въ частную собственность домохозяевъ, постановленіемъ, дающимъ общинѣ право, по рѣшенію того же большинства голосовъ, разверстать общинную землю въ безсрочное наслѣдственное участковое пользованіе. При этомъ, понятно, должны быть обнародованы законы, выражающіе юридическія отношенія членовъ общины, перешедшихъ къ новой формѣ общиннаго землевладѣнія, какъ между собою, такъ равно къ государству и постороннимъ лицамъ.

И. Ивáнюковъ.